

Марина и Сергей Дяченко

Хроники мегаполиса (сборник)

Марина и Сергей Дяченко
Хроники мегаполиса (сборник)

«Автор»

Дяченко М.

Хроники мегаполиса (сборник) / М. Дяченко — «Автор»,

Несколько лет назад известный критик Борис Кузьминский, создавший в издательстве «Олма-пресс» серию современной прозы «Оригинал», написал нам в письме вот что: «По моему убеждению, вы принадлежите к тем немногим авторам русскоязычной фэнтези, чьи тексты удовлетворяют всем современным («западным») критериям качества (извините за такую не возвышенную терминологию) и годятся не только для сугубо внутрироссийского «потребления»; абсолютно «конвертируемы». Более того, зрелые работы не требуют скидок на «маскультовый» фэнтезийный жанр и с полным правом могут рассматриваться как серьезная («большая», «мейнстримная») словесность. В «ОЛМУ» меня позвали как составителя серии современной психологической прозы. Таковая серия, по имени «Оригинал», тут в итоге и существует. Мне хочется, чтобы апрельским выпуском 2002 года стала ваша «Пещера». Для некоторых читателей, которые никогда не покупают фэнтези, распознавая ее по оформлению, и интересуются «высокой» прозой, – возможно, приятный сюрприз или даже открытие». Так наш роман «Пещера» вышел в серии «Оригинал». Хочется привести две цитаты с обложки этой книги: «В философских притчах Дяченко фэнтезийные декорации необходимы для создания внутренне достоверной модели, но сама модель используется для решения совершенно «земных» художественных задач. «Новый мир». «Человечество всегда стоит на пограничье с теми силами, которые действуют самостоятельно и нами не управляемы... Мы оказываемся в тупике, хотя думаем, что освобождаемся, занимаясь ловлей всех тех злых зверей, что населяют пещеру подземного мира души.» Карл Густав Юнг. Предлагаем читателю «антологию» нашей малой прозы, которую можно, с достаточной степенью приближения, отнести к «психологической». При этом здесь фигурируют как вполне мистические вещи («Баскетбол»), так и произведения, содержащие фантастический элемент лишь в минимуме («Зеленая карта», «Две» и др). В сборник вошли: «Зеленая карта», повесть (2000) («Высота»-2000) «Баскетбол», рассказ

(2001) («Бронзовая улитка»-2002)«Две», повесть (2003)«Крыло», рассказ
(2000)«Марта», рассказ (2001)

© Дяченко М.

© Автор

Содержание

Зеленая карта	6
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марина и Сергей Дяченко
Хроники мегаполиса
(цикл историй для любителей
современной городской прозы)

Зеленая карта

* * *

Пролог

Был весенний вечер.

Энергичный красноватый Ленин смотрел на мир с постамента перед Бессарабским рынком; из года в год ему открывалась одна и та же, незаметно меняющаяся картина. Сейчас перед каменным человеком лежала площадь с милицейской будкой, желтый фасад с большими часами «Минолта» – центр большого города; потоком лилась толпа, и потоком шли машины, и тарасила пустые глаза разрушенная поликлиника – из года в год так стояла в руинах, ее стыдливо прикрывали щитами, но никак не могли спрятать, и укоризненный взгляд несчастного здания беспокоил Ленина по ночам.

Перед другим фасадом, куда как более художественным – перед красным фасадом Университета – застыл в горькой думе Тарас Григорьевич Шевченко. Поэт раздумывал о будущем своей страны, а потому выражение лица его выдавало глубокую депрессию.

Князю Владимиру, поставленному лицом к Днепру, было куда как веселее. У его постамента играл уличный скрипач – играл всем знакомого, чуть сладковатого «Лебеда» Сен-Санса. Вокруг не было никого, кто мог бы опустить в пустой футляр денежный эквивалент своей к скрипачу благодарности, вокруг вообще никого не было, кроме молодой женщины в поношенной курточке, которая, стоя поодаль, хотела, но стеснялась подойти...

Князь Владимир слушал скрипку и смотрел на реку, на склоны, на Левый берег. А возможно, спал с открытыми глазами; возможно, ему приснилось, что он ученик восьмого класса и что ему задали домашнее сочинение на тему «За что я люблю свой город».

«За что я люблю свой город. Сочинение. План. Первое – Киев древний город со славной историей. Скукотища... Второе – Киев красивый город с зелеными насаждениями, парками, памятниками архитектуры, музеями... что там еще? Цирком. Зоопарком. Вот блин. Третье – мое любимое место в Киеве... Если напишу, что Мак-Дональдс возле речного вокзала – точно влепит тройка. Если напишу, что Республиканский стадион – тоже влепит... Напишу, что парк имени Шевченко. Значит, так, пункт третий, мое любимое место в Киеве – парк имени Шевченко...»

Тарас Григорьевич думал, сдвинув брови.

Где-то гудел стадион.

Неподалеку от Шевченко примостился на своей скамье каменный Грушевский, очень похожий на своей портрет с дензнака. Вокруг светились рекламные щиты и нарядные пункты обмена валют; если бы первый президент знал, какой сегодня курс доллара – пошатнулся бы на пьедестале.

Бронзовый кот, невесть зачем поставленный неподалеку от метро «Золотые ворота», принимал ласки от девочки лет четырех – девочка забралась на постамент и нежно гладила «железную кисю».

Гул стадиона накатывал и отступал, подобно прибою.

«За что я люблю свой город. Сочинение ученика восьмого «Б» класса Шубина Евгения... Абзац. Киев – мой родной город. Ему уже больше полутора тысяч лет... Полу-тора... Или «полутара»? Напишу – почти две тысячи лет. От него не отвалится...»

Залитый светом стадион казался продолговатым блюдцем, до краев заполненным страстями.

У кромки поля гарцевал, захваченный игрой, мальчик лет тринадцати – сейчас, если мяч вылетит за кромку, он быстренько подаст любимому футболисту другой, запасной. И сразу же погонится за укатившимся – еще секунду назад этот мяч был центром внимания всего стадиона, всеобщим «предметом борьбы», и когда мальчику выпадало счастье взять его в руки, ему казалось, что мяч теплый.

Мальчик гарцевал у края поля – но ему казалось, что это он бежит сейчас по траве. Что это он подкатывается, отбирая мяч, что это он несется в прорыв, что это он в падении бьет по воротам...

«Какой прессинг, – озабоченно бормотал комментатор. – Как прессингуют гости... Сборная Украины пока не производит впечатления... Чувствуется разница в подготовке игроков киевского «Динамо» и игроков других клубов... Атака гостей! Опасно, как опасно... Шовковский успевает отбить мяч на угловой... Какое напряжение! Отборочный матч чемпионата мира... Внимание...»

Озабоченно хмурился Тарас Григорьевич – на этот раз, очевидно, его обеспокоил угловой.

«Наши перехватили инициативу... Яшкин... Контратака... Ребров с мячом! Пас Шевченко! Шевченко... выходит... обводит... проходит... Гол!!!»

Ветер эмоций пронесся по вечернему городу.

«Шевченко», сияла надпись на табло.

На поле футболисты, устроив кучу-малу, обнимали своего форварда. Сиял от счастья мальчик, подающий мячи, вопили трибуны... А Тарас Григорьевич Шевченко отвлекся наконец от тяжких дум – казалось, он приподнял насупленные брови и чуть повернул голову в сторону стадиона.

– Шевченко! – радовался комментатор. – Какой удар!

Вокруг стадиона лежал вечер, еще прохладный, но уже остро пахнувший весной. Очень темный, кое-где сдобренный фонарями, райский вечер для целой армии киевских влюбленных...

Впрочем, не весь Киев свихнулся на сегодняшнем матче. Скрипач на Владимирской горке опустил инструмент, и его единственная слушательница сочла возможным приблизиться:

– Добрый... вечер. Спасибо вам большое, я каждый раз прихожу вас слушать... и...

– Спасибо вам, – вежливо ответил музыкант. – Я вас запомнил.

– Вы знаете, я по профессии далека от музыки... Я врач. Но я иногда хожу в филармонию... мне есть с чем сравнивать...

Музыкант чуть смутился:

– Видите ли, то, что играет на улице... это не совсем серьезно.

– Да-да, я понимаю. Может быть, вы могли бы сыграть для меня... что-нибудь... что вы считаете серьезным?

Музыкант некоторое время колебался. Потом поднял скрипку, и каменный Владимир получил возможность прослушать «Вокализ» Рахманинова. И они внимали – каменный князь безучастно, зато женщина в курточке – заморожено.

«Абзац. Кроме того, Киев очень красивый город. Он расположен на живописных склонах Днепра... Хм. На живописном правобережье, на живописном Левом берегу... Река Днепр очень живописная... Надо зачеркнуть. Напишу «красивая». Так. Символом Киева является ветка каштана, а это очень живописное... красивое... ну как сказать?! Хорошее... полезное дерево. Из плодов каштанов делают лекарства... Ну блин! Нет. Символом Киева является ветка каштана, каштаны красиво цветут на Крещатике... От блин.

Задолбался совсем. Заколебали».

* * *

Мальчик шел из школы; его щуплая узкоплечая фигура казалась еще более худосочной по контрасту с огромной спортивной сумкой, которую мальчик нес на боку. В такую сумку легко мог поместиться ее тринадцатилетний владелец; и сумка, и фирменная куртка на маль-

чишкиных плечах принадлежали футбольному клубу «Динамо» и вызвали внимательные, подчас завистливые взгляды окружающих пацанов.

Мальчик шел, глядя в землю прямо перед собой, и потому не мог видеть, что на почтительном расстоянии за ним следует прилично одетый мужчина лет сорока.

Мужчина оказался неважнецким сыщиком. Бабульки на скамеечке зыркали с откровенным подозрением, наблюдая, как доморощенный джеймс бонд пытается быть незаметным; мальчик тем временем свернул с асфальтовой дорожки, чтобы срезать дорогу к остановке, и через несколько шагов оказался перед глубокой, как скорбь, коричневой весенней лужей.

В луже тихо погибал раскисший кораблик из тетрадного листа.

Через воду был перекинут мост в виде нескольких мокрых досок; мальчик будто не видел его. Не останавливаясь и не раздумывая, так же размеренно, как шел до того по суше – шагнул в лужу.

Грязная вода залила его ноги по самые щиколотки; сделав еще несколько шагов, мальчик остановился. Переступив с ноги на ногу – в ботинках противно хлюпнуло – тупо уставился на кораблик.

Имело ли смысл выбираться на кладку из досок? Теперь никакого смысла не было. Ботинкам уже все равно. Так или примерно так подумал мальчик – и продолжил свой путь по воде, аки посуху.

Следивший за ним мужчина ускорил шаг. Почти побежал, больше не прячась.

Мальчишке повезло – от остановки как раз отходил троллейбус. Он успел втиснуться в заднюю дверь – какая-то тетка отпустила замечание в адрес его необъятной сумки...

Он оглянулся.

Ему показалось, что сквозь мутное заднее стекло он видит знакомую фигуру.

Впрочем, ему могло и померещиться.

* * *

Свет от уличного фонаря не давал заснуть, но встать и задвинуть шторы не хватало сил.

Чужая квартира пахла чужой жизнью. Немного нафталина. Призрак какой-то давно выветрившейся парфюмерии. Пыль. Устоявшийся дух сигарет. Ну и Малдер и Скалли, разумеется, тоже пахли.

Димин одноклассник Вовка, укативший на полгода в «страну швейцаров», Швейцарию, впустил друга детства пожить за совершенно символическую плату. Плюс уплата квартирных счетов, охрана от возможных грабителей (размечтался!) и кормежка Малдера и Скалли.

Перед сном Дима выпускал мышей погулять. Иногда развлечения ради сажал Скалли на пыльный глобус (очень старый, памятный еще по их с Вовкой школьным временам). Скалли осторожно перебирала миниатюрными розовыми лапами; отчего-то мышиный хвост, свешивающийся через всю Канаду аж на территорию Североамериканских Объединенных Штатов, доставлял Диме мрачное удовольствие.

Малдер и Скалли тоже были пришельцами в этой квартире. Вовкина соседка отдала их на время летнего отпуска – а вернувшись, «забыла» забрать. У Вовки мыши чуть не подошли с голоду – зато теперь, при Диме, отъелись и повеселели. Хотя Дима совсем не любил мышей, просто проклятое чувство ответственности, то самое, из-за которого и в школе, и в консерватории на него навешивали гору пионерско-комсомольских поручений, не допускало халатности ни в чем...

Фонарь-садист все светил и светил. Дима отвернулся к стене, плотнее закрыл глаза.

Сегодня (или уже вчера?) он видел Женьку. И не решился подойти. В первый раз в жизни не решился подойти к собственному сыну. Не захотел смотреть, как взгляд пацана становится

холодным, откровенно неприязненным, как только в поле зрения Жени Шубина появляется некое раздражающее препятствие – собственный отец...

И Дима смалодушничал. Смотрел из-за кустов, как Женька удаляется в сторону троллейбусной остановки, и чем дольше и внимательнее Дима смотрел, тем сильнее ему казалось, что мальчишка идет неправильно. Слишком низко опустив голову... Слишком сгорбившись под тяжестью огромной «динамовской» сумки... Или померещилось, и сын просто устал после шести уроков, не выспался, поздно вернувшись с тренировки, да мало ли что, тройку схватил по алгебре?

Но когда Женька, не останавливаясь и не замечая препятствия, вляпался в ту чудовищную лужу – Дима не выдержал. Почти побежал, обгоняя ребят и девчонок с портфелями. И еще успел увидеть, как Женька влез в троллейбус, рассекая толпу своей гигантской сумкой.

Показалось ему или нет, что сын глянул на него через заднее мутное стекло? Что все эти жмурки-пряталки, обзвонки-перепрятки были разоблачены и получили соответствующую оценку?

Воспоминание об этом взгляде преследовало его весь оставшийся день. Он автоматически отзанимался с пятью оболтусами, и, едва вернувшись в пустую, пропахшую чужими запахами квартиру, перезвонил на детскую динамовскую базу.

Ему сказали, что восемьдесят шестой на тренировке. Да, и Шубин тоже.

Перезванивать домой... (Да, он по-прежнему ловил себя на этом словечке, «домой». Странно, но ту, оставленную жизнь он по инерции продолжал считать своим домом.) Перезванивать домой Дима не стал. Боялся сухого, как июльский асфальт, Ольгиного «алло». Трус.

И теперь, когда триста раз пора бы заснуть, воспоминание о сгорбленной Женькиной спине не давало ему успокоиться. Муха невнятной тревоги, укусившая Диму во время малодушного подглядывания за сыном, в сумерках выросла до размеров если не слона, то хорошего крокодила.

Трус, трус...

Побоялся догнать. Побоялся перезвонить. А вдруг действительно что-то случилось? Вдруг сын ХОТЕЛ встретить его? Именно сегодня?

Очередная соломинка на спине двугорбого чувства вины.

Он понимает, что чувствует сейчас Женька. То же, что он, Дима, когда-то чувствовал по отношению к собственному отцу. Предатель. Алкоголик. Мама – в отличие от Ольги – никогда не настраивала маленького Диму против папы, но хватало недомолвок, переглядок, разговоров с соседками за фанерной стеночкой, когда Дима, как они думали, спал. Хватало фальшивого сочувствия, с которым эти соседки на следующее утро гладили Диму по голове; а через полгода отец умер, мама сразу вспомнила, каким он был честным, порядочным и талантливым, пока не сгубила его эта проклятая водка...

Теперь Женька.

Наверное, Женька тоже думает, что его папа алкоголик. Несколько раз сын действительно видел его пьяным – от этих воспоминаний у Димы стыдом закладывало уши... А Ольга добавила от себя. И про «нищету», и про «водку», и, вероятно, про многое другое...

Прохладная постель жгла. Тихо возились в клетке Малдер и Скалли.

Если мыши тебя достанут, полушутя-полусерьезно говорил Вовка, просто выпусти их во двор. Тут же полно котов, возражал Дима. Вот именно, говорил Вовка и радостно хохотал. Вот именно...

Наверное, он все-таки заснул. Иначе не вздрогнул бы так, не подскочил бы в холодном поту, подброшенный звуком дверного звонка. Звонки у Вовки были тот еще – играл четырнадцать мелодий, на этот раз пришла очередь «Неаполитанской песенки»: «Дарагая моя ба-пка, дай мне жареную ры-пку, я за жареную ры-пку попиликаю на скри-пке»...

Сон отвалился, будто высохшая короста. На бегу натягивая халат, Дима выскочил в прихожую; звонок повторился, на этот раз песенкой крокодила Гены: «Пусть бегут неуклюже»...

Выключатель нашелся не сразу. Дверной глазок показал искаженное примитивной оптикой, но вполне узнаваемое Ольгино лицо.

«Предчувствия его не обманули...»

Диме на мгновение стало стыдно за свой линялый, весь в обвисших ниточках махровый халат.

– Что случилось?

Отодвинув его плечом, Ольга прошла в комнату. На какую-то секунду Диме представилось, что он стал героем мексиканского сериала и сейчас последуют поиски любовницы с последующим громким скандалом. Надо же, какая ерунда придет в голову среди ночи...

– Что с Женькой?!

– Включи свет...

Ольга мельком выглянула на балкон. Скользнула взглядом по развороченной постели; Дима поспешил накрыть белые потроха одеялом.

– Да в чем дело, в конце концов?!

Ольга посмотрела прямо ему в глаза; он увидел, что она не ложилась сегодня. И плохо спала вчера. И что она на грани истерики.

– Значит, он не у тебя?

Ответа не требовалось; Дима почувствовал, как немеет лицо.

Значит, не померещилось.

Значит...

– Евгений Дмитриевич, – произнесла она отдельно и сухо, – изволили сбежать из дома. Причем в милиции мне предложили ждать, пока оне сами вернутся.

– Ты была в милиции?

– У меня оставалась призрачная надежда, что он у тебя... Но, конечно, к тебе он прийти не додумался.

Слово «конечно», в другом контексте безобидное, прошло по Диминым нервам, как ржавая терка.

– Конечно, – подтвердил он сквозь зубы.

Ольга выудила из сумки сигарету, подчеркнуто спокойно закурила; огляделась, сбросила с кресла ворох газет, старых журналов, растрепанных нот, уселась прямо под Вовкиным любимым постером: лягушка, уже полупроглоченная цаплей, из последних сил душит свою убивицу... Подпись под постером гласила: «Никогда не сдавайся!»

– Что случилось? – услышал Дима свой до странности равнодушный голос.

– Он развернулся и ушел, – Ольга оглянулась в поисках чего-то, куда можно было бы стряхнуть пепел. Не нашла; вытащила из кармана пластиковую упаковку из-под какого-то лекарства, положила под язык две последние горошины, в опустевшей коробочке устроила пепельницу. – Сейчас я докурю... Возьмешь машину... И поедем его искать.

Спокойно, сказал себе Дима.

– Куда? Нет, подожди... Я спрашиваю – что у вас случилось?

– Поедем к одному его приятелю, – Ольга снова затянулась. – Из его команды. У него телефона нет, но адрес в записной книжке я нашла... Это частные дома на Эстонской... Всех, что с телефонами, я еще три часа назад обзвонила.

– Что это ты принимаешь? – с некоторым опозданием поинтересовался Дима.

– Не важно, – Ольга утопила окурочку в импровизированной пепельнице, поднялась. – У тебя машина где?

– Машина на стоянке... Да подожди ты! Что значит «неважно»?!

– Нитроглицерин, – устало призналась Ольга. – Тебя это так интересует?

– Нет... То есть да... Я спрашиваю, что между вами... вы поссорились?
– Да, – Ольга шагнула к двери, давая понять, что разговор окончен. – Одевайся. Я обожду у подъезда.

* * *

Оказалось, что она очень надеялась на этот адрес. На этого Славика, полузащитника, «диспетчера», как уважительно называл его Жека. Она была уверена, что маленький мерзавец – ее сын – спрятался именно здесь. И уверяла себя, что совершенно не нервничает – только воображает сладостно, как отлупит, отхлещет по щекам эту дрянь. За весь этот вечер. За эту ночь. За то, что пришлось идти на поклон к Шубину...

Славик жил в частном секторе, то есть в такой себе деревне, уютно пристроившейся под боком у станции метро. Сперва Шубин петлял по темным улочками, потом они долго трезво-нили у калитки, вызывая пароксизмы ярости у беспородного, невероятных размеров пса, по случаю ночи спущенного с цепи. Потом приковывлял с фонариком очень раздраженный, очень напуганный Славкин дедушка в полосатых пижамных штанах, трогательно выглядывающих из-под накинутого на плечи бушлата; оказалось, что никакого Жени Шубина он в глаза не видел, и внук его тоже...

В конце концов разбудили Славика. Он узнал Олю и, честно хлопая круглыми со сна глазами, сообщил, что видел Женю на тренировке. Нет, завтра тренировки нет, потому что завтра суббота, единственный на неделе выходной. А в воскресенье они играют с «Зенитом». Сбор у метро «Осокорки» в одиннадцать тридцать. Вот и все.

– По крайней мере в воскресенье он точно появится, – сказала Оля, когда калитку заперли и пса снова выпустили на пост. – Он попустит что угодно, только не игру с «Зенитом». Шубин молчал.

Оля вытащила последнюю сигарету третьей за сегодня пачки. Теперь, когда перспектива отхлестать сына по щекам отдалилась на неопределенное время, на место картинке возмездия стали наплывать совсем другие, куда как менее приятные фантазии.

Он ничего не знает, кроме своего футбола. Ему тринадцать лет, но он ничего не знает, кроме круглого мяча и таких же как он чокнутых пацанов. Дом, школа, футбол; его представления о прочем абстрактны и умозрительны. Мир для него – разросшаяся до чертиков динамовская база... Дурак, сопляк, ну куда он пойдет?!

– Успокойся, – сказал Шубин. Оля подавила приступ раздражения:

– Я спокойна совершенно. Он взрослый мужик.

– Надо, наверное, ехать на вокзал? – неуверенно предположил Шубин. – Может быть, он решил... ну, там ночуют вообще-то...

– На вокзале милиция гоняет, – сквозь зубы Оля. И похолодела от собственных слов. «Заметут», избыют без синяков, искалечат...

Ну не станут же они хватать ни в чем не повинного парня! На нем же куртка динамовская, и фирменная сумка, видно, что не беспризорник...

Куртка хорошая, сумка заметная. Могут найтись... охотники... А так как Жека сам не отдаст – могут и по голове...

– Надо ехать домой, – сказала она хриплым, не своим голосом. – И позвонить... в больницы, что ли...

– В какие больницы?! – взвился Шубин. – Прекрати истерику! Еще скажи – в морг! Оба замолчали.

«Частный сектор» тонул в темноте. Где-то в отдалении выла цепная собака.

* * *

Перед входом в зоопарк стоял спящий металлический зубр. Поблескивали медью лев и львица, отполированные детскими сиденьями... В славное дело полировки вложили свою лепту и Оля, и Жека, да и Шубин, наверное. Да найдется ли в городе хоть кто-то, не сидевший в детстве на этом самом льве?

Невозмутимый Щорс перед железнодорожными кассами указывал на звезды – всегда спокойный, монументально-величественный Щорс на столь же монументальной бронзовой лошади...

Они все-таки поехали на вокзал.

Чужая спешка, чужие проблемы вертелись шестеренками равнодушного механизма; едва переступив порог главного зала, Оля уже знала, что Жеку здесь не найти. Тем не менее она позволила Шубину пробежаться по залам, по переходам, по перронам – тот вернулся подавленный, запыхавшийся. В ответ на ее взгляд отвел глаза:

– Нет.

Ну, разумеется, нет, она и так знала...

Сырой ветер перед рассветом бывает особенно промозглым. Хорошо хоть не мороз на улице, слава Богу, не зима.

– Стоп. Останови здесь.

Она вышла, чтобы купить сигареты в ночном киоске. Шубин ждал ее в машине. Какой-то весь беспомощный, сгорбленный, жалкий; у Оли вдруг сжалось сердце: каким великаном казался этот человек пятнадцать лет назад! И как неистово ей хотелось завоевать его, покорить, красивого и талантливого, по которому сохли и которого добивались целые эскадры девиц...

– Так, – она закурила снова, хотя ее мутило от сигарет. – Возвращаемся. Не удивлюсь, если этот лоботряс вернулся и ждет под дверью.

Она ни на йоту не верила в это. Сказано было для Шубина. Просто из христианского сострадания.

– Слышишь? Поехали!

Шубин не шелухнулся. Все так же смотрел перед собой; в давно не мытое ветровое стекло ударила капля дождя.

– Ты слишком много куришь, Оля. Успокойся.

Он еще ее успокаивает!

Дождь пошел смелее. Вымокнет, подумала Оля обреченно. Если у него нет крыши над головой... Хотя... лучше под дождем, чем... подвалы с бомжами, притоны, приюты, «обезьянники»...

– Деньги у него есть? – спросил Шубин.

Оля поняла, что не знает точно, есть ли у Жеки деньги и сколько. Он никогда не просил. То есть он просил, когда тренер собирал на аренду спортзала, на какую-нибудь поездку... Вот, она дала ему на бассейн. Позавчера. Если он не успел отдать деньги тренеру – у него может быть гривен пятьдесят...

Он мог сделать какую-нибудь глупость, подумала она в ужасе. Уехать на электричке. Снять проститутку... То есть нет, этого быть не может, это полный бред!

– Скажи мне, что случилось, – в который раз за эту ночь попросил Шубин. Ну точно дятел: долбит и долбит...

– Я сказала, – пробормотала она, преодолевая тошноту.

Шубин вздохнул:

– Хорошо... У него есть девочка?

– Нету, – отозвалась Оля после паузы. – Какая девочка, у него есть только этот дурацкий футбол...

– Может, секта, или наркотики? Ты ничего не замечала?

Оля поморщилась. Ничего не сказала; дождь барабанил всюду, машина стояла, но Шубин зачем-то включил «дворники». В потоках воды дробились, плыли огни фонарей – белые, желтые, оранжевые...

– Наркотики... – она хотела сказать «Тоже мне, папаша», но вовремя прикусила язык. – Когда ты его видел в последний раз?

Шубин долго молчал.

– Сегодня... То есть вчера.

Она вздрогнула.

– Вчера возле школы. После уроков.

– И что он сказал тебе?

Шубин пожал плечами:

– Мы не говорили... Ты же спросила, когда я его видел, а не когда разговаривал...

Оля промолчала.

– Ты знаешь, – пробормотал Шубин, – мне показалось, что он не в себе. Может быть, он... задолжал кому-то?

Оля снова поразилась, до чего слабо сидящий рядом мужчина представляет интересы и потребности собственного сына.

Они возмутительно похожи друг на друга. Только одному тринадцать, другому сорок с хвостиком. Оба одинаково беспомощны, когда заходит речь о серьезных вещах. Оба представляют жизнь по кино и книжкам. А Жека даже книжек не читает...

Ох, лучше бы объяснить все Шубину в другое время и в другой обстановке. Много зависит от того, как он воспримет новость, сейчас не особенно удачный момент, но и оттягивать дальше нельзя – все, время пошло, секундомер запущен...

– Никому он не задолжал, не колется, клей не нюхает, девочек у него нет. А ушел он потому, что я ему врезала по морде.

Шубин посмотрел на нее, как похмельная сова. Такими же круглыми полоумными глазами.

– Да-да, – она нервно засмеялась. – Можешь не пялиться, это я зря, конечно, сделала, но очень уж он меня достал... Он упертый, как осел. Очень похожий на своего папу.

Шубин молчал, и это ее злило.

– Поехали, – она откинулась на спинку сидения. – Поехали обратно.

Машина плыла сквозь дождь, будто батискаф. На площади Победы мигали желтым светом фонари. Фонари отражались в зеркальном асфальте. И никого. Ни одной машины.

Выехали на Проспект.

Оля любила эту дорогу, особенно вечером – когда красно-белые потоки огня сливаются в одну подвижную гирлянду. Но сейчас огней почти не было. Четыре часа утра... Темень. Дождь.

Ей показалось, что Шубин едет слишком осторожно и медленно. А потом, когда после ее раздраженной просьбы он поддал газу – наоборот, что слишком быстро, что для ночной скользкой улицы такая скорость неразумна...

Олина тайна была подобна горячему углю, спрятанному под одеждой. Не было больше сил – и необходимости – терпеть; Оле захотелось поразить Шубина прямо сейчас. Прервать полупрезрительное молчание, которое установилось в салоне после реплики про оплеуху.

– Дело в том, Шубин, – она вдохнула поглубже, так, что даже закружилась голова. – Дело в том, что мы едем в Америку. Я выиграла грин-карту в лотерею. И виза у нас уже почти в кармане.

Машина затормозила. Не удержавшись на скользкой трассе, развернулась юзом, едва не перевернулась; Оля успела крикнуть «Идиот!», прежде чем из-за дождя вынырнул полосатый светящийся жезл.

Менты? В половине пятого? В дождь?! Фантастика...

В глубине души Оля была даже рада. Потому что Шубин сейчас будет выяснять отношения не с ней, а с капитаном (или кто он там по званию?)

Протянув документы гаишнику, Шубин раз пять оглянулся на Олю. Мент о чем-то спросил, потом повторил громче, раздраженно:

– Ви щось пили?

– Ні, – Шубин снова оглянулся на Олю, для этого ему пришлось чуть наклониться.

– Що ви там дивитесь?!

– Он не пьяный, – Оля обворожительно улыбнулась. – Просто мы выиграли грин-карту и едем в Америку. – Я ему сказала – и вот...

Мент некоторое время смотрел на нее, пытаясь понять, не издеваются ли над ним. Блестящая от дождя накидка делала его похожим на малость обрюзгшего Робокопа.

– Подивимось...

Шубин покорно проследовал вслед за ментом к желтой машине – дышать в трубку; Оля вернулась на свое место и закусила губу.

Пожалуй, она не станет наказывать Женьку. Пожалуй, она даже простит ему эту идиотскую выходку. Только бы он поскорее объявился...

Она вспомнила последний выходной, который они провели вместе с сыном. Это было – Господи! – в сентябре, больше чем полгода назад. Тогда они поехали в Гидропарк... Она не помнит, была то суббота или воскресенье. Воскресение – вряд ли, потому что седьмой день недели – игровой день... Выходной во всех спортшколах – суббота... Кто-то еще шутил – как в Израиле... А у нее, Оли, субботы обычно заняты. А воскресения заняты у Жеки...

А в Гидропарке было хорошо. Они играли в настольный теннис... Потом сидели в какой-то забегаловке... Она пыталась разговорить его. Но разговор сворачивал на футбол, все время на футбол, Жека совершенно разучился говорить о чем-либо другом...

Потом они нашли старую пристань...

Гидропарк.

Стадион.

Ее начало трясти.

Так, дрожа, она смотрела, как возвращаются мент и Шубин. У Шубина в руках документы – значит, отпускают... А мент почему-то сияет, как луна. Или Шубин хорошо ему «подмазал»?

– Щастить деяким, – и мент вдруг залихватски подмигнул. – Буває ж таке... Ну, з Богом! Ремінець тільки пристібніть...

Оле показалось, что он собирался взять под козырек, но в последний момент здравый смысл пересилил.

– Под мостом развернешься, – сказала она тоном, не допускающим возражений. – Мы едем в Гидропарк.

* * *

Дождь прекратился. Светало – бледнели фонари, вода Днепра отражала морщинистое, серое небо, и цепь далеких огней казалась излишним, ненужным украшением.

Что такое грин-карта, Дима приблизительно знал. Эта штука давала зеленую улицу желающим жить и работать в Америке; правда, о том, что такие грин-карты разыгрываются в лотерею, Дима прежде не слышал.

– Ты пошутила? Насчет лотереи?

– Нет. Ежегодно разыгрывается пятьдесят пять тысяч виз. В порядке тимуровской помощи прочему миру. Всем, кто не Америка. Почему-то кроме Польши, Вьетнама и еще десятка стран... Я заполнила заявку. Выиграла первый пакет. Таких первых пакетов рассылают вдвое больше, чем виз. Потом надо быстро отправить еще три анкеты. Это гонка на скорость. Кто не успел, тот опоздал... Короче, я... мы с Симой успели. Сима мне это все помогала вернуть. Все. Выиграли. Вот так.

Ольга смотрела на дорогу и говорила отрывисто, будто вколачивая гвозди. Ни о какой шутке не могло быть и речи; Диме потребовались силы, чтобы преодолеть нарастающую панику.

Увозят! Женьку увозят!

Пусть он не общается с сыном. Пусть сын отгородился от него прозрачной стенкой плохо скрываемого презрения – но, по крайней мере, так он может видеть Женьку хоть каждый день. Благо вход в музыкальную школу находится в ста метрах от входа в общеобразовательную, где учится Женька... Где он, Дима, когда-то учился, а после него – Оля... Ольга, поправил он себя.

А теперь ее вечная истерическая готовность обернулась поступком. И каким... Что за чертовое совпадение, что за несчастное везение... Выходит, миллионы людей играют с жирной Америкой в эту унижительную игру... Но надо же, чтобы именно Ольга выиграла...

Если это выигрыш.

...Мост Метро. Клепаная баба с воздетым в небо мечем.

Пологий левый берег.

Сосредоточиться.

Для выезда детей требуется согласие обоих родителей... кажется. Во всяком случае, в романе «Интердевочка» было именно так.

– Тебе нужен развод? – спросил он через силу.

Несколько минут в салоне царил молчание.

– Ты меня неправильно понял, – вероятно, Ольга многое прочитала по его лицу, во всяком случае голос ее звучал непривычно мягко. – Грин-карта на нас троих. То есть я могу вписать туда и Женьку, и тебя. Если захочешь... Сейчас направо.

– Ты точно знаешь? – спросил он хрипло.

– Совершенно точно. Это условие. Именно потому, что мы с тобой официально не в разводе...

– Я про другое. Ты точно знаешь, что направо?

– Да, – на этот раз в ее голосе было куда как меньше уверенности. – Знаешь, останови машину, я хочу тебе что-то сказать...

Дима притормозил, но выключать мотор не стал. Бледный фонарь над ветровым стеклом вдруг погас, как прогоревшая свечка.

– Женька... уперся. Из-за этого, прости Господи, футбола. Уже почти взрослый парень, а ума нет... не соображает. Нам уже интервью назначено!

– Интервью? – переспросил Дима.

– Это собеседование с вице-консулом... Который, если все в порядке, визу дает... На интервью все документы надо... Медосмотр, справки из милиции, фотографии, все документы, с копиями, с переводами на английский, все ко дню собеседования должно быть готово! Остался месяц... Кто не успел – тот опоздал, и все усилия тогда к черту.. А этот... этот...

И Ольга вдруг заплакала.

Дима лет десять не видел, как она плачет.

Ему стало неловко. Как бывает во сне, когда вдруг оказываешься посреди площади голый...

– Скотина такая, – говорила Ольга, давясь слезами. – Чего мне это стоило... А Симе... Если бы не Сима... Симку ты помнить должен, она теперь в Нью-Йорке... Работа уже ждет, понимаешь ты, работа, легальная, в Америке! По специальности! Ты не представляешь, что такое было эту работу получить... Квартиру уже присмотрели... А эта скотина мне нервы крутит! Футбол у него, «Динамо» у него, Лобановский у него, прости Господи... Тут и так... как будто я вьючная лошадь, и на меня поставили Пирамиду Хеопса...

Она затихла. Широким мужским движением вытерла слезы, с вызовом уставилась Диме в глаза:

– Ты... если хочешь, поезжай с нами. Там анкеты... я и за тебя заполнила. Мы тогда еще... Ну... Еще думали... Это было полгода назад... На всякий случай. Вдруг пригодится. Только ты мне помоги! В очередях стоять надо, у тебя время есть, а у меня нету. Переводы, копии, все это надо организовывать... И еще – Жека. Эту дурь из него... не знаю как. Выбить, или уговорить. Придумай. Ты отец – вот и придумай!

Она отвернулась. Отогнула клапан над ветровым стеклом, заглянула в зеркальце; помнит, подумал Дима. И уверена, что это я не снял это зеркало. И я действительно не снял...

Не глядя, он включил радио – и вздрогнул от звука банджо, весело и нагло затопившего салон.

* * *

Они нашли его.

Их сын стоял перед кирпичной стенкой, сосредоточенно колотя в нее мячом. На стенке были намалеваны размеченные ворота; в воротах стоял вратарь, тоже нарисованный, в белой футболке и черных шортах до колен, с младенчески-розовым полустертым лицом: Женька методично лупил вратарю по фейсу. От стены летели чешуйки облупившейся краски.

Вставало солнце.

Дима почувствовал, что ноги его больше не держат. Отошел и сел на обломок скамейки.

Женька уже заметил их. И, возможно, струхнул – его удары стали резче, сильнее; он по-прежнему целил вратарю в лицо, но все время промахивался.

Ольгиного лица Дима не видел. Она так и осталась стоять – не приближаясь к сыну, ничего не говоря.

Немая сцена длилась довольно долго; первым не выдержал Женька.

Отлетев от стены, мяч укатился в лопухи. Сын оглянулся; лицо было злое, но с явными следами слез. И губы обветрились и распухли.

– Чего вам надо?

Голос его выдал. Твердая корочка презрения лопнула, пропустив боль, обиду и страх.

Ольга развернулась и пошла туда, где осталась машина.

– Идем, – сказал Дима как можно спокойнее. – Пошли домой.

* * *

На Мосту Метро Диму посетило видение.

Будто вместо клепаной бабы над Днепром стоит, нахально воздев к небу факел, Статуя Свободы.

* * *

(...Я бегу сквозь чужие, опасные запахи. Справа дощатый забор – я чувствую... на расстоянии. Трава пахнет приятно... у меня нет времени, чтобы валяться в траве.

Я бегу.

В каждом дворе – опасность, тупая, не острая, но я все равно вздрагиваю... Лай. Забор... Плоская крыша сарая... Мусорный бак – нет времени...

Бегу).

* * *

Он был здесь впервые за полгода. Он очень соскучился за этим домом. И очень боялся переступить порог.

Как когда-то, вернувшись из армии, боялся увидеть маму – постаревшей.

Эта квартира была ЕГО. Он вырос здесь. Он спал и учил уроки в той комнате, где теперь спит и учит уроки Женька.

Он ревниво отмечал все изменения, произошедшие с того времени, когда он в последний раз переступал этот порог. Изменений было больше, чем он мог предположить: обои в передней переклеены, мебель переставлена и еще не прижилась на новых местах. Да и вряд ли приживется – раньше стол, шкафы и кресла стояли на естественных, годами выверенных позициях. А теперь их переставили просто затем, чтобы изменить обстановку.

Чтобы выветрить память о прошлой жизни. О нем, Диме, который здесь вырос...

Он пожалел, что вообще пришел сюда.

– Я пойду спать, – сказал Женька. – Мне в школу.

Это были первые его слова за весь последний час. До этого говорили Дима и Ольга – перебивая друг друга, поочередно, дуэтом.

Ольга вошла в комнату, не снимая ботинок. Обрушилась в кресло; сейчас ей, молодой тридцатитрехлетней женщине, можно было дать все сорок пять. Дима даже испугался.

– Ты... – сквозь зубы сказал он, взяв сына за тощее плечо и с трудом удерживаясь, чтобы не сдавить сильнее. – Ты посмотри, до чего мать довел...

Глаза у Женьки были Ольгины – большие и серые. И холодные, как осень:

– Уж как ТЫ ее довел, мне за всю жизнь не довести.

Страхнул враз ослабевшую отцову руку. Двинулся в спальню, но на пороге остановился. Обернулся к безучастно глядящей в окно Ольге:

– Все, ладно, убегать не буду. Договорились. Мир, дружба, жувачка.

Ольга молчала.

– А в Америку свою езжайте сами, если хотите, – сказал Женька куда менее уверенно.

– И поедем, – отозвалась Ольга, не оборачиваясь. – Мы с отцом поедем, а ты останешься здесь. В интернате, или как хочешь.

Сын постоял еще – но Ольга так и не посмотрела на него.

Женька ушел в спальню, очень аккуратно и очень плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

В машине ей казалось – только доползти до квартиры, упасть хоть на коврик в прихожей и спать, спать, спать!

Теперь сна не было ни в одном глазу.

Жекины ботинки стояли у входной двери – два комка грязи. Оля взяла их, чтобы нести в ванную – они показались ей неподъемно тяжелыми; загадка скоро разъяснилась: вытаскивая стельки, она чуть не выронила себе на ноги две металлических пластинки – одну за другой.

– Бли-ин... Это что еще такое?

Ясно, что за два часа ботинки не высохнут, и Жеке придется идти в школу в кроссовках...

Шубин мешал ей. Мешал больше, чем неудобно стоящий шкаф; зря она пригласила бывшего мужа зайти в квартиру. Непонятно, что на нее нашло, что за благие намерения... Объяснить Шубину его задание она могла бы и на нейтральной территории.

И еще – ей было стыдно за ту истерику в машине. Развезло. Раскисла. Укатал ее этот маленький негодяй.

– Что ты стоишь на дороге? Сядь куда-нибудь, я сейчас кофе сварю...

Он сел на табуретку – но уместнее от этого не стал.

– Что ты расселся посреди кухни? Как я пройду?

Оле хотелось пересадить его куда-нибудь еще. А лучше – выставить в коридор. Сослаться на усталость и перенести встречу на завтра. А тут еще и брошенные бигуди валялись на стуле горкой каких-то доисторических костей...

Но Шубин нужен ей. Нет худа без добра – Женькин фортель естественным образом свел ее с бывшим мужем.

Собеседование – в Варшаве! – назначено на девятнадцатое мая. Осталось ровно тридцать девять дней, из которых нельзя терять ни одного. Предстоят очереди, очереди, беготня. Шубин возьмет на себя черновую часть работы... и еще квартира, будь она неладна. Квартиру придется оценивать и продавать, это ясно как божий день...

– У тебя кофе убежало, – сказал за ее спиной Шубин, и она с удивлением увидела, что размышляет, глядя в совершенно пустую джезву. Что белая плита стала коричневой, а горелка, залитая перwokлассной «Арабикой», захлебывается и шипит.

– Убежал, – сказала Оля раздраженно. – Кофе – мужского рода. Убежал.

* * *

Он слушал монотонный Ольгин голос, разглядывая лист ватмана с нанесенной на него «сеткой» оставшихся до собеседования дней.

– У тебя как в новом паспорте написано – «Шубин» или «Шубін»? А заграничный паспорт у тебя просрочен?! Немедленно продлевай! Да, еще сфотографироваться, вполоборота, чтобы левое ухо было полностью открыто и безо всяких украшений...

Дима механически потрогал собственное ухо. Какие, интересно, тут могут быть украшения...

– Говорят, что копии можно нотариально не заверять, – буднично продолжала Ольга, – но Сима советует все-таки заверить. Опять-таки переводы на английский – часть сама переведу, а часть Боря сделает за бутылку, я договорилась. Медосмотр стоит сто баксов, семьдесят за интервью, то есть собеседование с вице-консулом, еще тридцать – за визу. Может быть возня со справкой об отсутствии судимости... Копии сделаем сами на компьютере. Да, еще сфотографироваться... На квартиру приготовить документы, оценить на бирже, справку тоже скопировать и перевести... Маклера зовут Антонина Федоровна, она уже приводила двух покупателей смотреть квартиру... Пока просим двадцать тысяч, но, возможно, придется уступать, сейчас квартиры подешевели... Продавать будем сразу после девятнадцатого, как только получим визу...

– Квартиру? – механически спросил Дима. Сонная дымка лопнула, будто пробитый иголкой шарик.

Ольга вздохнула. Села напротив, вытирая полотенцем и без того сухие руки:

– С Симой договорено. Нас там ждут.

Дима смотрел на нее с таким ужасом, как будто ему предлагали продать собственный глаз.

– С квартирой так и так надо было бы что-то решать, – сказала Ольга мягко. – Ну... ты понимаешь.

Дима молчал.

Раньше он старался об этом не думать. О том, что будет, когда вернется из командировки Вовка, и ему, Диме, надо будет искать жилье. И что квартира, в которой он вырос, к которой привык, станет разменным товаром. И что обойтись без этого никак нельзя.

– Нам нужны деньги, – сказала Ольга жестче. – Оплатить интервью, медосмотр, билеты... Кстати, ищи покупателя на машину. Желательно поскорее, но не продешеви. И, кстати, сфотографироваться...

Дима молчал.

Оказывается, Ольга уже успела оценить квартиру.

Такая бешеная деятельность...

Если бы не этот Жекин финт – он узнал бы об их отъезде? Вообще – узнал бы?

Под его взглядом Ольга занервничала:

– Шубин... Я так и так собиралась тебе звонить. Если бы не этот Жекин финт – позвонила бы завтра или послезавтра. Понимаешь? Блин, сколько народу зубами выгрызают эту гринк-карту, а ты смотришь на меня, как будто тебя мешком прибили!

Ольга поднялась, снова взялась за мытье плиты; плескалась вода в раковине.

– А если... – Дима запнулся.

Ольга обернулась от плиты. Медленно опустила выпачканные кофейной гущей руки:

– Шубин... Не надо, пожалуйста, усложнять. Ты поможешь мне здесь, я помогу тебе там.

Все.

Дима узнал это «все». После такой точки в разговоре доказывать что-либо обычно бывало бесполезно.

Она уже все решила.

Триста раз решила. И не остановится на полпути. Кажется, именно это называется «целеустремленность».

Ему вдруг сделалось страшно.

– И ты не боишься...

– Боюсь, – Ольга снова вытерла руки, хотела закурить, но одумалась, отбросила сигарету. – Боюсь, что ЗДЕСЬ меня выкинут с работы, и придется идти на базар торговать трусами. Боюсь, что Жека заболеет, а у меня не хватит бабок, чтобы его вылечить... Боюсь остаться старухой, больной и на тридцати гривнях пенсии... А ты не боишься?

– А там? – спросил Дима после паузы.

– ТАМ, – Ольга пощелкала зажигалкой, – там Симка, она уже все сделала. Мы договорились еще в прошлый мой приезд... Уже есть работа, квартиру снимем – легально... Через пару месяцев машину купим. А через пару лет вы мне оба – и ты и Жека – спасибо скажете. Так что не тормози, пожалуйста, Шубин...

Дима вдруг представил себе, как горят мосты над Днепром. Мост Метро, мост Патона, Пешеходный... Даже маленький парковый мостик возле стадиона «Динамо» – и тот горит, не оставляя дороги назад...

– Перепиши расписание приемных дней в нотариальной конторе. По поводу квартиры надо будет в ЖЭК, в ИТК, в опекунский совет... Опекунский – это когда на руках будет виза.

– Сжигаешь все мосты? – спросил Дима.

– Иначе нельзя. Надо решать. Надо делать. У нас есть возможность делать свою жизнь – и делать жизнь для Жеки... Если снова грохнет Чернобыль – какая цена будет этой квартире?

Дима опустил глаза. Давнее пУгало. Жека родился в восемьдесят шестом – Дима помнит опустевший город, вереницы автобусов, увозящих детей, растерянную Олю с младенцем на руках... Они тогда уехали на целое лето и половину осени, снимали дом в селе где-то в Фастовской области, было ужасно трудно – без горячей воды, на чужом месте, без денег, и уж конечно без памперсов, о которых тогда они слыхом не слыхивали...

Оля (Ольга, поправил он себя) поняла, что попала с точку, и надавила чуть сильнее:

– Ты хочешь, чтобы твой сын жил в ЭТОЙ стране? Чтобы он получал двести гривен, как ты в своей школе? А по вечерам смотрел телевизор и пил водку?

Диме захотелось встать и уйти, но он пересилил себя. Ольга знала, что говорит. И знала, как действуют эти слова на недавнего мужа.

– Я пробыла в Штатах месяц, – сказала Ольга после паузы. – Я знаю, о чем говорю... Жека выучит язык запросто, голова у него есть, не только ноги.

В последних словах был явный и нелестный намек на футбол.

– А я? – спросил Дима, и это была уступка. Он с ужасом понял, что смирился с неизбежностью поездки, и теперь прикидывает, как бы обойтись малой кровью.

– И ты выучишь, – жестко сказала Ольга. – Надо будет – выучишь. Самоучитель с кассетами я тебе прямо сейчас дам.

И она удалилась в комнату, где принялась рыться в ящике стола; Дима отхлебнул кофе, встал и подошел к двери, за которой спал Женька.

Спал? Или притворялся? Сам Дима Шубин столько раз лежал на этом диванчике под этой стеной, и успешно прикидывался спящим, пока мама жаловалась соседке на алкоголика-мужа...

Он осторожно-осторожно приоткрыл дверь.

Женька спал – в этом не было никакого сомнения. Укатали Сивку крутые горки...

Сквозь задернутые шторы пробивалось утреннее солнце.

Стены комнаты в три слоя были увешаны футбольными плакатами – одних изображений «Динамо» Дима насчитал штук десять. Лучезарно улыбались лучшие футболисты мира; Дима узнал только Шукера, Гуллита и Пеле. На цветных, сделанных «мыльницей» фотографиях улыбался сам Женька в динамовской форме, то один, то в команде, то с каким-то кубком в руках...

Под кроватью затаился мяч – белый с черными отметинами, он обретался там, где у маленьких детей обычно стоит ночной горшок.

Дима осторожно прикрыл дверь.

– Вот, нашла, – сказала Ольга. – Вот блин-компот, было девять кассет, осталось две. Номер семь и номер пять...

На захламленном столе лежали дешевый плеер и две кассеты – одна с надписью «Любовь», вторая – «Свадьба, медицина, кладбище». Дима взял их в руки – не без любопытства.

– Значит так, – Ольга вытащила откуда-то записную книжку. – Сегодня... нет, завтра у нас прием в милиции с одиннадцати утра, значит, к десяти надо приехать, занять очередь. Я тебе буду звонить на пейджер, как продвигается...

– У меня завтра ученики, – сказал Дима.

Ольга посмотрела на него с раздражением; он наблюдал, как она прямо-таки на глазах берет себя в руки. Она умела здорово владеть собой – когда возникала такая потребность.

– Шубин. Учеников перенесешь на другой день. Главное сейчас... Ну ты понял. Девятнадцатого мая у нас интервью в Варшаве. С вице-консулом. Это надо зарубить на носу. И тебе, и мне.

Они вернулись на кухню; допивая остывший кофе, Дима смотрел на разграфленный ватман.

День «икс», угрожающе разукрашенный красной тушью, казался пунцовой кляксой на белой простыне и рождал у Димы ассоциации, совершенно сейчас неуместные.

* * *

У подъезда на лавочке отдыхал дядя Боря. Рядом стоял линиялый, выдавший виды рюкзачок; тронь его – зазвенят пустые бутылки, сегодняшний Борин улов.

Разминуться с соседом не было никакой возможности. Пришлось поздороваться. И тут же отвести глаза – слишком пронизательно смотрел пожилой переводчик с трех языков, а ныне алкаш, промышляющий сбором бутылок.

– Давненько тебя не видно, Димочка... Что, помирились?

Дима неопределенно мотнул головой.

* * *

В Исторический музей их повезли после третьего урока. Очень удобно – полетели география и физика.

Экскурсоводша рассказывала длинно и скучно; Женьку угнетала необходимость полчаса пялиться на одну и ту же витрину и не иметь возможности спокойно и вволю осмотреть остальные. Ему хотелось внимательнее рассмотреть диораму – древний город на холмах, голубая река с притоками, крепостные валы, храмы, слобода... Видны были даже крохотные фигурки людей. Ради диорамы Женька попытался понемногу отстать – но классная засекла его и загнала обратно в толпу, покорно топтавшуюся перед какой-то схемой.

– ...город Ярослава. А здесь на схеме вы видите первое, еще примитивное футбольное поле, основанное по приказу самого князя. Сохранились протоколы нескольких матчей с варягами... Здесь, в витрине, вы можете увидеть окаменевший мяч того времени – он несколько тяжелее нынешних...

Женька оценил на глаз – да, наверное, тяжелее.

* * *

(...запах железа, отвратительно. Грохот... Я ложусь на землю, но земля дрожит тоже. Лезть на дерево не имеет смысла, я знаю... лежу, пока земля не успокаивается и этот железный...)

Я бегу дальше. Трава пахнет плохо. Здесь все пахнет не так, как надо, но я должен бежать... Голод. Я устал.)

* * *

Она ворвалась в кабинет, не собираясь даже скрывать раздражения:

– Що трапилось? Які проблеми?

– Ти виїздила в Верховну Раду? І де ж сюжет? – Валентин по обыкновению делал вид, будто свалился с луны.

– Там немає сюжету. Там немає новин, самі лише внутріпартійні чвари... Я не бачу, що з цього можна зробити.

Шеф вздохнул. Хорошо знакомым жестом ткнул пальцем в потолок:

– ТАМ хочуть. Обов'язково.

– Якщо так, – сказала Ольга почти весело, – якщо вам настільки потрібний цей сюжет – робіть його самі! Або дайте кому-небудь, щоб зробили... Давати це неподобство в новинах – повне проститутство, але якщо хочете – вирішуйте самі...

Возможно, еще несколько дней назад она ничего бы подобного сказать не решилась. Но теперь испытывала острое удовольствие, наблюдая за реакцией шефа. Как он сперва чуть краснеет, потом играет желваками, потом закуривает...

Наконец, поднимает телефонную трубку:

– Таню? Зайди... – и через минуту, подошедшей журналистке: – Візьми в Олі касету і прес-реліз, подивись матеріал і змонтуй сюжет. І одразу покажеш мені...

Таня вспыхнула до корней волос, но ничего не сказала. Ольга молча удивлялась. Такого поворота событий, такой скорой капитуляции она не ожидала.

Валентин прошелся по комнате; повернул ключ в дверях. Ольга вопросительно на него воззрилась.

– Значит, проститутство? – шеф открыл маленький бар, вытащил початую бутылку коньяка и две крохотных рюмки. – А когда тебе хотелось поехать в Америку, ты ведь делала все, что угодно, правда?

Ольга пожала плечами:

– Нет, не все. Только то, что надо было делать, чтобы поехать в Америку.

– Ты молодец, – протянул шеф, разливая коньяк. – И как ты думаешь, у тебя есть перспектива... в нашей программе?

– Это угроза увольнения? – Ольга обворожительно улыбнулась. – За коньяком, при закрытых дверях?

– Ты сильно изменилась в последнее время, – признал Валентин.

– Все течет, все меняется, – Ольга улыбнулась еще обворожительнее.

– Тебе предложили другую работу? Кто?

Ольга прищурилась:

– Отвечать обязательно?

Шеф уселся, но не на свое место, а рядом с Ольгой; над глубоким креслом начальника висела круглая мишень с тремя торчащими из нее дротиками. Две шестерки и семерка, слабенко. Это когда же Валик в последний раз упражнялся?

– Когда кидаешь дротики, ты кого-то перед собой представляешь? Начальство? Сотрудников?

Он улыбнулся:

– Отвечать обязательно?

Ольга улыбнулась в ответ. Валентин внимательно посмотрел ей в глаза, поднял рюмку:

– Ну... за отсутствие в нашей жизни проститутства!

Тост был более чем двусмысленный. Ольга засмеялась:

– Зачем так сложно? Проще – за честное сотрудничество!

Валик усмехнулся в ответ. Как бы невзначай положил руку на Ольгино колено:

– Съездим в сауну? Сегодня? Расслабимся?

Она помедлила – может чуть больше, чем следовало. Потом аккуратно убрала руку:

– Сегодня я не могу.

– Завтра?

– Не выйдет.

– В воскресенье?

– В воскресенье, – она прикрыла глаза, – я занята. У сына матч... Кстати, я хотела бы делать интервью с Лобановским.

Валик плеснул коньяка себе в рюмку, залпом выпил:

– Знаешь, Оля... Не знаю, кто и что тебе предложил, но мне его немножечко жаль, – фразу про Лобановского он будто бы пропустил мимо ушей.

– Не понял? – Ольга приподняла брови.

– И не надо, – шеф стал, раздраженно закрутил пробку на коньячной бутылке, убрал хозяйство обратно в бар.

– Но, может быть, в воскресенье, где-то с шести... если получится, – как ни в чем не бывало продолжала Ольга. – А насчет Лобановского есть классная концепция – футбол и искусство...

– Ты до него не доберешься, – прохладно сказал шеф. – Даже ты. Он сидит сейчас на базе в Конча-Заспе и никого не принимает. И я организовать не могу, уж извини.

Ольга рассмеялась.

* * *

Человеку постороннему трудно вообразить себе, до чего противен бывает звук самого благородного музыкального инструмента – скрипки, например. Человек непосторонний не обращает внимания. Привык. А кое-кому, вот как Диме например, нравилось слушать, как противный ученический звук понемногу облагораживается, приобретая право именоваться «музыкой»...

Но вот к надсадному пиликанию пейджера невозможно привыкнуть.

– Ирочка, повтори, пожалуйста, вот эти два этюда, я сейчас подойду... Мне надо к завучу зайти на пять минут...

Надо понимать, именно завуч общается со своими педагогами посредством пейджера. Какие новости в сфере народного образования!

Дима вышел из класса, неторопливо прошелся по коридору, от кабинета завуча резко свернул к входной двери; рысью пробежал под окнами, вскочил в машину, с третьего раза завелся, вырвался на дорогу.

Надо думать, Ирочка честно повторяет этюды. А может, тщательно расчесывается перед стеклянной дверцей шкафчика – сейчас это не важно.

В нотариальной конторе было душно и людно; Дима всей душой ненавидел атмосферу застарелой очереди. Когда любой человек априори враг – он может вписаться в кабинет нахально, против правил, в обход положенных трех часов ожидания...

В первый момент Диме показалось, что его очередь прошла, и волосы на его голове моментально встали дыбом; Бог, однако, миловал – женщина по имени Наталья Петровна по-прежнему сидела в углу, читала газету «Факты» и смотрела на Диму с укоризной:

– Что вы так долго? Обещали – на пять минут...

– Так получилось, – стал оправдываться Дима. – А сколько перед нами осталось?

– Еще двое, – в голосе Натальи Петровны слышалась гордость, как будто столь скорое продвижение очереди было ее, Натальи Петровны, личной заслугой.

– Так я звоню жене... Она сейчас придет вместо меня.

Стыли руки на кнопках уличного таксофона.

Когда он вернулся – под конец урока – Ирочка делала вид, что все еще повторяет этюды.

Едва вошел следующий ученик, мальчик Женькиных лет, – пейджер закурлыкал снова.

* * *

Все бесконечные очереди слились в один крысиный хвост. ОВИР, нотариальная контора, милиция... Опять нотариальная контора... Опять милиция...

Дима сам себе казался сумасшедшей белкой в механическом колесе, у которого полетели предохранители. И потому белка обречена бегать, выпучив глаза, пока не сдохнет на бегу или пока не лопнет приводной ремень...

Иногда он забывал покормить Малдера и Скалли. И уж конечно не хватало времени выпустить их из клетки на прогулку; мышцы затосковали. Дима решил про себя, что в первое же свободное воскресенье сходит на Птичий рынок и продаст их в хорошие руки.

Как обычно, когда времени нет, косяком пошли частные уроки. Да такие, от которых нельзя отказаться; в пятницу позвонил старый приятель, еще по оркестру, слезно просил выручить – по субботам он играет дуэт с каким-то скандинавским послом, который самодеятельный пианист, и завтра как раз суббота, а он, приятель, как раз не может, а разочаровывать посла совершенно невозможно, кроме того, десять баксов за полтора часа – это ведь тоже деньги, ты не находишь?

...Посол жил, как водится, на Печерске. Дима любил бродить здесь пешком, они когда-то и с Женькой тут гуляли, разглядывая затейливые фасады – «шоколадный домик», «дом с плачущей женщиной»... Сегодня Дима почти не смотрел по сторонам, а если и оглядывался, то только в поисках нужного адреса.

В последний раз сверившись с бумажкой, он вошел в подъезд огромного, с высоченными потолками дома; обитую кожей дверь открыла блондинка-домработница.

В гостиной журчал фонтан и потрескивал дровами камин; Дима заинтересованно разглядывал потолки с лепниной, картины на стенах – до чрезвычайности абстрактные, зато очень большие.

В углу стоял белый рояль, похожий на дрессированного мамонта.

Дима достал из футляра инструмент, стал тихонечко его подстраивать – в эту секунду из соседней комнаты, из-за приоткрытой двери, явился молчаливый мраморный дог в шипастом ошейнике. Не то чтобы Дима боялся собак – собак он как раз любил; но ему не нравилось, когда собаки смотрят на него долгим оценивающим взглядом.

– Здравствуй, здравствуй, хорошая собака! – ласково сказал он, стараясь, по вычитанной где-то рекомендации, не смотреть догу прямо в глаза.

Дог молчал, не разделяя Диминой радости.

– Я тут по делу, – пояснил Дима. И добавил, раздосадованный тем, что приходится оправдываться, да еще перед псиной:

– Знаешь что... Шел бы ты, а?

Дог стоял не шевелясь; Дима попытался продолжить свое занятие – но взгляд собаки мешал ему.

– Слушай, ты, собачка Баскервилей...

Дог сделал шаг вперед, приоткрыл зубы, сделавшись неприятно похожим на своего родича, столь опрометчиво упомянутого Димой.

– Ты, э-э-э...

Дог сделал следующий шаг.

Какая-то мысль болталась у Димы на краю сознания, какая-то вполне здравая мысль...

– Гуд дог, гуд дог! Гу-уд до-ог!

Собака насторожила уши – и вдруг завиляла мускулистым хвостом, да так энергично, что от ударов зашаталась и чуть не грохнулась на паркет огромная напольная ваза.

Выискивая в памяти обрывки английских реплик, Дима попытался построить следующую обращенную к собаке фразу – когда в комнате появился хозяин квартиры, рояля и собаки. Веселый, лощенный и очень разговорчивый. И говорил он по-английски, разумеется.

Теперь уже Дима оказался в роли мраморного дога, языка не знающего. Правда, в отличие от собаки он был обременен приличиями и хотел получить свои десять долларов – а потому

слушал и кивал, кивал и слушал, несмотря на то что в эмоциональной речи посла ему были понятны только отдельные слова. «Музыка», «друг», «вечеринка», еще раз «музыка»...

По счастью, посол не требовал от Димы ни ответа, ни хотя бы адекватной реакции. Ему хватало того, что в ответ на его белозубую улыбку Дима улыбался тоже.

На рояле разложены были ноты; положив руки на клавиатуру, посол некоторое время медитировал с закрытыми глазами – Дима поднял смычок. Раз, два, три...

Все сипы и скрипы районной музыкальной школы были всего лишь прелюдией к партии ф-но под руками посла. Как говаривал когда-то Димин педагог по специальности – «неритмично, зато фальшиво».

Лицо посла прямо-таки светилось вдохновением, экстазом истинного творчества.

Мраморный дог слушал с видом знатока; звук пейджера заставил пса насторожиться. Чтобы заглушить предательское курлыканье, Дима заиграл втрое темпераментнее...

* * *

– ...Не хочу! Я устал!

Из-под башни из «Лего» торчали детские ноги в ярких носках, ноги молотили по цветному, расписанному гномами паласу:

– Не хочу! Сперва давай в машинки!

– Давай пять ноток сыграем – и в машинки, – терпеливо повторял Дима, чувствуя, что в следующую секунду не удержится и приложится ладонью по упитанной, обтянутой дорогими джинсами попе.

Зачирикал пейджер. Дима стиснул зубы.

«Как продвигается очередь?» – немо интересовался электронный тиран.

– Дмитрий Олегович, вы обещали в машинки! Обещали! А-а-а! Я устал!

– Хорошо, – сказал Дима, вытягивая нервы в звенящую, но еще прочную струну. – Один раз в машинки – а потом сыграем песенку про елочку...

Из-под «Лего» появилось круглощекое, перемазанное фломастерами лицо.

– Не хочу про елочку! Дайте мне ноты, я покажу, что я хочу!

Нет, Женька таким не был... И уже конечно у Женьки не было такого количества игрушек, и Женька не обращался с ними так по-варварски...

Прощаясь, Дима получил от няньки-гувернантки портрет очередного американского президента в зеленых тонах. Мужчина с купюры смотрел несмешливо, всепонимающе.

«А куда ты денешься, Дима?» – будто хотели сказать его тонкие сомкнутые губы.

* * *

...Ирочка скрипела гамму... И Юра, и Тоня, и Саша, которому в среду играть на академконцерте...

Трезвонил пейджер.

Дима шел по улице, покачиваясь, как сомнамбула. Уши его были залеплены наушниками плеера; вкрадчивый голос повторял и повторял английские фразы, а Дима смотрел, как беззвучно открываются губы прохожих. Как люди немо смеются, сидя на кромке фонтана, разговаривают, грызя мороженое, как бойко просит милостыню цыганчонок у метро...

Кассета номер семь. Свадьба, медицина, похороны. «У меня нарушения менструального цикла», – жаловался незнакомый мужчина. Он посещал последовательно стоматолога, кардиолога, гинеколога; кроме того, его бабушке надо было делать операцию. «Мне надо записаться к доктору немедленно, мне плохо! – жаловался он и получал в ответ вежливое: – А какая у

вас страховка?» Наконец, закономерно попав на кладбище, он живо интересовался, во сколько обошлась родственниками столь пышная церемония и сколько стоит этот прекрасный гроб...

Прохожие косились на Диму. Слушая плеер, он смеялся, как сумасшедший.

* * *

– Можна вас на хвилинку? – Оля улыбалась доброжелательно, искренне, несмотря на то, что это была сорок первая улыбка здесь, на этом перекрестке перед Золотыми Воротами. – Ви не могли б відповісти на кілька питань? Скажіть, що ви вважаєте обличчям нашого міста? Що знають про нас у світі? Що згадують при слові «Київ»?

– Чорнобиль, – сказала веселая краснощекая девушка, явно видевшая АЭС только на картинках.

– Отстаньте, – сказал высокий парень.

– «И быше три брата, – вдохновенно продекларировала пожилая женщина, по виду типичная учительница младших классов. – Кий, Щек и Хорив. И сидяши Кий на горе, где же ныне увоз Боричев»...

– Дякую, – оборвала ее Ольга.

– Киевское «Динамо»! – бодро предположил мужчина лет пятидесяти. – Футбол!

Стоящая рядом бабка скептически поджала губы:

– Хай їм грець... Бігають по полю такі здорові мужики! Краше б працювали, тоді б відразу страна вийшла з кризиса...

* * *

Женька увидел это интервью – уже по телевизору.

Ему привиделось футбольное поле, наполовину вскопанное. Игроки поддевали зеленый дерн лопатами; вдоль лунок шагал вратарь в перчатках и с оцинкованным ведром на сгибе локтя. Бросал в ямки наполовину проросшую картошку.

* * *

В строю своей группы – восемьдесят шестого года рождения – Женька стоял ближе к хвосту; тем не менее Олег Васильевич считал, что это дело поправимое. Он, Женька, свое еще наверстает...

Ноги у него короче – зато он бегаёт наравне с самыми высокими пацанами. А значит, когда ноги вытянутся – он их обгонит.

Сегодня тренировку смотрел незнакомый тренер, которого привел Олег Васильевич, и который – Женька чувствовал – наблюдал прежде всего за ним, Женей Шубиным, а потом уже за прочими ребятами. Краем глаза Женька видел, как два тренера переговариваются; возможно, незнакомец присматривает игроков в юношескую сборную. Возможно, именно теперь Олег Васильевич говорит ему: «Если Шубину попадет мяч, то отобрать его можно только с помощью конной милиции...»

Под конец тренировки они разбились на две команды и сыграли мини-матч на малом поле; «Противники» были в синих нейлоновых майках поверх спортивных костюмов, их центральным нападающим был Витька, которого Олег Васильевич недавно взял из «Зенита». Взял, как поговаривали, затем, чтобы составить конкуренцию Женьке.

Под Витькой играл Славик, который отдает не пасы, а подарочки – только что бантика на них нет. А под Женькой играл новенький пацан, которому еще и форму-то не выдали. И который и будет, может быть, когда-нибудь играть... Когда-нибудь потом.

Женька понял, что его подставили, и злился все больше.

– Шубин, – кричал Олег Васильевич, – чего ты ждешь? За тебя кто-то сделает черновую работу? Отбирай мяч, отбирай!

Женька промазал раз и два; а потом споткнулся, с разгону приложился щекой о жесткую, едва покрытую весенней травкой площадку – и почему-то успокоился. Не дожидаясь, пока увалень-новичок отдаст ему пас, рванул на свою половину поля. Славик почувал неладное – но ничего сделать не смог; Женька отобрал у него мяч, паснул Вовке, а Вовка, умница, паснул в ответ. Раз, два, три...

В Жекиной жизни бывали минуты, когда мяч становился частью его тела. Ради этих звездных мгновений он отдал бы все кубки мира; играючи, он оторвался от преследования. Легко паснул новичку – и тот понял его, отправил мяч на ту самую точку, где быстрый Женька оказался в следующее мгновение!

Центральный защитник Валька, против которого сейчас предстояло играть, был выше Женьки на голову и раза в полтора тяжелее. И обожал силовые единоборства, каждый сезон пожиная урожай желтых карточек за грубую игру; он шел навстречу Женьке, как паровой каток, но Женька обыграл его так просто и непринужденно, что Валька нарушил строго установленные тренером правила – заругался в голос...

Женька бежал, и ему виделось поле, по которому он, центральный нападающий, победоносно ведет мяч. И конные милиционеры, окружившие его, ничего не могут сделать.

Удар! Гол!

Краем глаза он увидел, как улыбается Олег Васильевич, как он что-то говорит незнакомому тренеру, и как тот согласно кивает головой.

Счастливый Женька попытался сдержать улыбку – но не смог. Из-за сетчатой ограды на него восторженно смотрели малыши – девяносто первый год, возвращавшийся как раз с тренировки.

А чуть подальше за железной сеткой стоял Женькин отец.

Улыбка сползла с лица – сама собой.

Что-то говорил Славик, но Женька не слышал его. Он видел, как отец подходит к Олегу Васильевичу, здоровается за руку. Что-то говорит, и улыбка у него заискивающая. Женька терпеть не может, когда люди вот так, заискивающе, улыбаются...

– Шубин, заснул? Пошли...

Он сделал вид, что вообще не заметил отца. И поспешил вслед за ребятами в раздевалку, туда, где на двери красуется красноречивая табличка – «Батькам вход суворо заборонений».

В раздевалке – облезлой, давно требующей хоть какого-нибудь ремонта – стоял застарелый запах пота, мокрой обуви, резины. Женька быстро ополоснулся в душе, стал одеваться, сперва торопливо, потом все медленнее и медленнее.

Торопить встречу не хотелось.

И колом в горле стояла догадка: рассказал! Отец все рассказал! Про грин-карту... Сейчас Олег Васильевич пожелает ему счастливого Диснейленда, пожмет руку и попросит вернуть форму – зачем она юному американцу?!

От одной этой мысли в Женькином животе разливалась противная, вяжущая слабость.

Если он рассказал, я его возненавижу, думал Женька, завязывая шнурки ботинок. Если он рассказал...

Там ведь был тот, другой тренер! Зачем-то Олег Васильевич привел его – именно сегодня! Посмотреть на Женьку, это же ясно, они верят в него, они видят для него перспективу... «Шубин – будет забивать»...

Ведь Шевченко когда-то тоже было тринадцать лет!
Женька закусил губу. Он был легок на слезы – и знал за собой этот грех.
Раздевалка опустела; Женька сидел, прижав к животу мяч. Смотрел в покрытый рваным линолеумом пол.

* * *

Все мальчишки давно переоделись – Женьки не было видно.
Дима ждал, покусывая травинку. Повернуться и уехать сейчас было глупо. Означало признать поражение. В конце концов, может быть, Женька и не заметил его...
Если бы не заметил – вышел бы вместе со всеми.
Дима смотрел, как пацаны прощаются – надолго, до завтра. Как несколько парней рассаживаются по великолепным машинам – юных футболистов ожидают два «Мерседеса» и джип. Как прочие, помахав рукой, отправляются к троллейбусной остановке пешком.
Шикарные авто отъехали, оставив Димин «Жигуль» в одиночестве.
Да где же он, в конце концов?!

Будто почуяв скорый конец Диминого терпения, приоткрылась дверь. Вышли двое – маленький Женька и его огромная динамовская сумка.

– Эй, мистер Ребров!
В Диминой веселости была изрядная толика фальши.
Сын посмотрел на него, как на чужого. Нехотя, чуть прихрамывая, подошел.
– Женька, ты чего? Нога болит?
– Ты сказал? – враждебно спросил сын.
– Что? – растерялся Дима.
– Ты сказал Олегу Васильевичу... про Америку?
– Нет, – Дима удивился, как такое могло прийти Женьке в голову. – Я поздоровался... и спросил, как у тебя дела.
Женька помолчал; лицо его чуть просветлело, но враждебность не исчезла до конца:
– Зачем приехал?
– Подвезти тебя, – терпеливо сказал Дима. – Я как раз был рядышком, и решил тебя подвезти.
Женька перевел взгляд с отца на «Жигуль» и обратно.
– Тогда бы хоть машину помыл...
– Что?
– Машина грязная.
Дима смотрел на сына, пытаясь понять, издевается он, провоцирует – либо просто говорит первое, что пришло на ум.
– Помоем, – сказал он через силу. – Ну, садись...
– Обойдусь.

И, закинув на плечо свою огромную сумку, Женька пошел прочь по дороге – один. Всем своим видом показывая, что лучше ходить пешком, чем путешествовать в облепленной грязью развалюхе.

* * *

Наспех сделав математику, он поставил в видик кассету с лучшими голами столетия – то была его гордость, его коллекция. Уселся в кресло, положил на колени учебник истории; нажал на «Play».

...Его величество гол – квинтэссенция игры. Его величество гол – момент экстаза; гол – красота и поэтика любимой игры. Гол – мгновение, ради которого миллионы людей забывают о своих заботах, гол – это восторг и траур, в зависимости от того, чьи ворота поражены. Женька собирал голы по разным передачам, переписывал у ребят; тут были и старые голы в черно-белой записи, и новые, последние, в цвете, с повторами и рапидом... Из классики – великолепные голы «с ходу» короля футбола Пеле, потрясающие финты Гарринчи, заканчивающиеся отчаянием вратаря... А вот Бышовец с лету, через себя «ножницами» забивает в девятку в далекой Мексике – недаром ему там поставлен памятник за красоту игры... Тут были голы на разный вкус – и с пенальти, и с игры, забиваемые и головой, и ногами, и даже руками – знаменитый гол Марадоны, лукаво забитый сборной Англии при позорном недосмотре судьи – и, как говорил потом хитрющий виртуоз, то была «рука Господа»... Тут были немыслимые по траектории голы Шукера и Ривалдо на последнем чемпионате мира, и знаменитый недавний удар Шевченко на последних минутах – резаный со штрафного, нокаутировавший выигрывавшую сборную России и повергший ее в болельщиков в состояние шока. Тут была и коварный, с центра поля, «парашют» Ачимовича на 84-й минуте, наказавший не успевшего вернуться в ворота Шовковского – гол, размазавший по стенке сборную Украины и лишивший ее возможности играть в Европейском первенстве...

Особенно красив гол со стандартного положения. Стандартное – это поединок команд, психологическая схватка; это спорт, цирк, балет, война...

Учебник что-то там талдычил про Запорожскую Сечь. В это время молодой Лобановский пробивал с углового знаменитый «сухой лист»... Черно-белая старая запись...

Ныли мышцы. Слипались глаза.

Женьке виделся Богдан Хмельницкий, отдающий пас козаку с оселедцем, в широченных шароварах. Шаровары разлетались на ветру, пряча в складках мяч; узкоглазый татарин в воротах широко раскрывал руки, прыгал – и пропускал, ревели трибуны, гол, гол...

Учебник истории соскользнул на пол.

Женька спал.

* * *

Он набивал мяч во дворе у стеночки и уже собирался домой, когда подошли соседи Игорь и Леха, один на два года старше Женьки, другой на три.

– Шуба, дай мяч поиграться с пацанами.

Один раз он уже давал им мяч. Через две недели получил, наконец, обратно – никуда не годный, черный, тряпку, а не мяч.

– Это не мой, – соврал он. – Мне его завтра надо отдать.

– Так слушай, мы до завтра вернем.

– Не мой это. Не могу.

И, подхватив мяч, заторопился домой.

Уже у подъезда услышал за спиной презрительное:

– Зазнался, бля... Динамовец...

* * *

(...Они... туда-сюда. Иногда все стихает, тогда я решаюсь перейти... но как только я выхожу не твердое, они появляются снова. От них идет ветер... Запахи... Бензин, резина... Они сигналият, увидев меня, я лежу, прижавшись к земле брюхом... Они задавят меня, как только я выйду из кустов... Я должен бежать туда, за дорогу... я должен бежать! Туда... Они перекрыли мне путь... Что мне делать?! Что делать?!)

* * *

В субботу класс повели в планетарий.

Здоровенная фиговина посреди зала называлась «скаймастером», то есть делателем неба; Женьке понравилось это слово. Чем-то похоже на «плеймейкер».

Симпатичная тетка недолго рассказывала про звезды, про созвездия, а потом предложила всем посмотреть рассвет.

Это было классно – темнота, звезды, такая музыка, потом край «неба» стал наливаясь красным, светлеть, светлеть...

И вот из-за «горизонта» выкатился круглый красный мяч – такой яркий, что Женька даже зажмурился.

* * *

Украинка была не то чтобы противной, но, если не сдать ей вовремя сочинение – слетала с катушек.

Кроме Женьки домашнее сочинение про «За что я люблю мой город» не сдали еще человек десять; они стояли за своими партами и слушали, понуриив головы и молча соглашаясь с тем, что оценка им будет снижена на балл; Женькина парта была у окна, и это было очень удобно, потому что, слушая украинкины нотации, можно было украдкой смотреть на школьный стадион.

Красивейшие голы столетия.

На этот раз забивал Роналдо. Шоколадный и гологоловый, лицом совсем пацан, великий Роналдо забил головой – в прыжке; первоклашки, выведенные на физкультуру, смотрели, восторженно разинув рты.

Роналдо обернулся, Женька видел его глаза. Их взгляды встретились.

«Не надо ехать, парень. В ихней Америке и футбола-то нет, один соккер».

Женька вздрогнул.

* * *

...Он поспорил с Витькой – на пять долларов, что пронесет мяч, не роняя на землю, через весь подземный переход под Майданом Незалежности, через всю «трубу», и до самого фонтана!

И Женька пошел.

А народу было! Нищие на ступеньках... Торговки цветами. Люди у телефонных автоматов...

– Ты что делаешь это, шкет?!

– Хулиганье малое...

Группа поддержки бежала вокруг, создавая лишнюю суматоху.

Тяжелее всего пришлось на выходе из перехода. Женьку толкнули, он потерял равновесие, грохнулся на четвереньки, но все-таки успел поймать мяч на голову, и так, с мячом на голове, встал; кто-то заплодировал. С мячом на голове Женька одолел последние ступеньки, дальше было легче...

Испуганно отшатнулись лошади для платного катания (они стояли у кромки фонтана под надзором каких-то девчонок).

– Е-е-ес! – вопили пацаны. Витька, хмуро улыбаясь, отсчитывал пять долларовых купюр...

Женька взял деньги в руки – и вдруг помрачнел. Несколько минут стоял, разглядывая изображение Капитолийского холма.

– Ты че, думаешь, фальшивые? – возмутился Витька. – Настоящие!

– Настоящие, – эхом отозвался Женька.

И твердым шагом направился к ближайшему обменному ларьку – купюры нес за уголок, будто дохлую крысу.

* * *

Почти год назад от Бори ушла жена. Ушла к неведомой зверушке, которая по ее словам была чуть ли не «новым русским», хотя Дима пребывал в уверенности, что это миф. Что за интерес мог возникнуть у «нового русского» ко вздорной, полненькой, не первой молодости Раисе?

Конечно, Рая преувеличила социальный статус своего «хахалея». Тем не менее хахалев дом где-то в Ирпене не был мифом; Рая вывезла грузовик всяческого добра – шмоток и мебели, ковров и посуды, и в ответ на вопросительные взгляды соседей приводила единственный железобетонный довод – «все равно пропъет»...

И была права. Все, что не влезло тогда в Раин грузовик, Боря пропил достаточно быстро.

Теперь его однокомнатная квартира походила на оставленный беженцами приют – голые стены, пыль и мусор, старый письменный стол, черно-белый телевизор шестидесятых годов, тахта в углу, такая ветхая, что ее и пропить-то невозможно – неликвидна...

В первом базовом состоянии Боря был умнейшим собеседником и светлейшей личностью. Во втором – спал, преклонив голову куда придется, хоть на подушку, хоть в салат. А промежуточных фаз него практически не было – то трезв, трезв как стеклышко, потом – хоп! – пьян, пьян как свинья...

– Паспорта и дипломы я вам обоим перевел, вот ваши свидетельства о рождении, вот Жекино свидетельство, вот свидетельство о браке...

– Я принес справку из военкомата, – сказал Дима, разглядывая свое отражение в пыльном зеркале. В углу зеркала была скотчем прилеплена фотография распавшейся семьи – Боря, Рая, их взрослая дочка Ксюха и полосатый кот с белым пятном на груди – у Раи на коленях.

– Давай свою справку, – позвал из комнаты дядя Боря.

Он был мастером перевода – в свое время долго сотрудничал с журналом «Всесвіт», с какими-то издательствами; английским деловым он владел даже лучше Ольги – зная это, она передоверила переводы Боре, тем более что оплата осуществлялась «по бартеру» – за бутылку.

– Так, Шубін, Дмитро Олегович, росіянин, тисяча дев'ятсот п'ятдесят восьмого року народження... відбував військовий обов'язок... Ну, Димка, хоть какая-то польза оттого, что ты тогда не послушался маму, не пошел в мединститут и угодил в армию... Соединенным Американским Штатам будет приятно принять на проживание такого отличника боевой и политической подготовки...

Дядя Боря говорил – и одновременно быстро-быстро переписывал на лист бумаги содержание справки – по-английски.

– Послезавтра будут справки про отсутствие судимости, – сказал Дима.

– Замечательно! – дядя Боря цокнул языком, как будто мысль о таких замечательных справках доставляла ему подлинное наслаждение. – Справка об отсутствии судимости – это же класс, не каждый может похвастаться... Сейчас-сейчас, подожди... А справка об отсутствии геморроя не нужна? А знаешь, что коты, например, в Штаты принимаются только кастриро-

ванные? Хорошо, что ты не кот... Правда, у меня знакомый купил справку у ветеринара за пять гривен... Они же на справку смотрят, а не на кога...

Дима постоял, переминаясь с ноги на ногу (в комнате был один только стул). Потом прошел на кухню, вытащил из сумки бутылку «Пшеничной» (ему было дважды стыдно, за то, что принес водку, и за то, что она такая дешевая, в захудалом киоске купленная и, наверное, паленая). По возможности беззвучно поставил бутылку на пустой, в темных шрамах, стол.

– Димочка, а ты со мной выпьешь? – тут же спросил из комнаты дядя Боря. Как будто у него была возможность видеть то, что происходит на кухне.

Дима замялся.

Именно его посиделки с Борей в свое время привели к тому, что Женька поверил в то, что его отец «пьянчуга».

В старших классах школы дядя Боря помогал Диме делать уроки по математике и физике. О французских переводах нечего и говорить (французский Боря знал хуже, но в рамки школьной программы вполне укладывался); в какой-то степени Боря, тогда молодой и относительно счастливый муж тети Раи, сделался для мальчика Димы эрзац-отцом...

– Спасибо, дядь Боря, я в другой раз, – он постарался, чтобы голос его звучал естественно и весело. – Труба зовет. Надо копию на компьютере...

– Так ведь Оли еще дома нет, – сказал дядя Боря после паузы. – Если у тебя ключи есть – это одно...

У Димы, конечно, не было ключей от собственного дома. Почему-то именно теперь это обстоятельство показалось ему очень унижительным.

Выйдя на площадку, он некоторое время трезвонил в такую знакомую дверь. И прислушивался, как отдавался звонок в пустой квартире.

– Она обещала к восьми, – сказал он, вернувшись. – До полдевятого подожду – и все.

– Ага, – сказал Боря.

Перевод справки из военкомата – косые каракули на желтом листе – лежал в прихожей под зеркалом. Рядом с оригиналом – неприятной серой бумаженцией. И почему-то вид этой безобидной, в общем-то, бумажки вогнал Диму в глухую тоску.

– Димка... Ты чего загрустил?

Дима отвел глаза. Сказал неожиданно для себя:

– Тогда надо закуски какой-нибудь... У меня есть пара яблок...

– Так в холодильнике возьми, – обрадовался Боря.

Холодильник был крохотный, непонятной породы, со сломанным замком – отчего дверцу приходилось всякий раз подвязывать резинкой. В холодильнике царил январь, среди снежного запустения лежал сверток с докторской колбасой, пачка плавленого сыра и две огромных луковицы.

Маясь вялыми угрызениями совести, Дима отыскал нож, дощечку, нарезал колбасу и раскромсал сыр.

Водка, против ожидания, оказалась не такой уж и скверной.

– На первое мая хочу на рыбалку поехать, – сказал Боря. – Вот если бы кто-то еще с машиной нашелся, чтобы на Десну...

– Дядя Боря, – Дима развел руками. – Ничего не могу сказать. Обломался вот... не заводится, зараза. В воскресенье чинить будем... А до Первого мая еще дожить надо...

– Индивидуалист, – беззлобно усмехнулся Боря. – Тренируешься быть американцем? Не тренируйся, Димка, все равно у тебя ничего не выйдет...

Дима осторожно поставил свой опустевший стакан. Укусил луковицу, как яблоко; овощ оказался слишком горьким даже для своей луковой репутации. У Димы перехватило дыхание, но он мужественно жевал – и луковицу, и слова:

– Я... не хочу... ехать, дядь Боря, но я же не могу... не ехать. Я же без Женьки... И... Оля права, все-таки, Женьке надо... в нормальную страну. А там, в Штатах, мы с Женькой наконец-то... ну, все переменится. И мы с Женькой...

– Не переменится, – Боря разлил по второй. – Все это иллюзии, Димочка, Америка никого не объединяет, Америка разъединяет. Особенно разные поколения. У всех своя жизнь, все живут сами по себе, и все счастливы своим особенным американским счастьем... Ну, поехали? За американскую мечту?

– Черт с ней, – сказал Дима с неподдельным отвращением.

– Есть такая история, – Боря смачно жевал бутерброд с докторской колбасой. – Вернее, научное предположение. Не так давно водолазы наши на дне Атлантического океана затонувший корабль... который по описаниям идеально подходил под судно Америго Веспуччи. И который никогда не добиралось до берегов Америки, которую, якобы, открыл... Так-то. Вот ты подумай, Дима, как человек с фантазией: если бы некие пришельцы захотели захватить Землю, как бы им сподручнее было поступить? Как у Уэллса? Треножниками?

– Не знаю, – сказал Дима.

– Вот-вот, – Боря улыбнулся. – Завоевание Земли уже заканчивается, Димочка. Ни Колумб, ни Веспуччи, ни первые поселенцы так и не добрались до американского берега... Их подменили в пути. Эти пришельцы создали ТАМ филиал своей цивилизации, и надо быть слепым, чтобы не видеть, как разительно она отличается от всего остального человечества! – некоторое время Боря со значением смотрел Диме в глаза, потом подмигнул и расхохотался.

Дима бледно улыбнулся в ответ.

От водки кружилась голова. Он целый день был на ногах, целый день почти ничего не ел... Плохо, если Ольга увидит его в раскисшем состоянии.

Но если увидит Женька – случится катастрофа.

– Дядь Боря... Спасибо, я пойду, наверное. Документы Ольга заберет...

– Кстати, об Ольге, – Боря откинулся на спинку стула. – Вероятно, ей будет хорошо там... Вероятно, она действительно приспособится, найдет себя... Гм. Вот еще об открытии Америки Веспуччи. Один мой приятель, обучаясь в аспирантуре в Мичигане, вел группы студентов. При первой встрече он раздавал коротенький тест, по результатам которого пытался выяснить, с кем имеет дело... Вопросы были как специальные, так и «общие». На вопрос «Почему Америка называется Америка?», большинство студентов из года в год отвечало: «Потому что это страна свободы и открытых возможностей...» («Because this is the land of opportunity and freedom»). Так вот у них мозги устроены... Потому и грин-карту среди нас, калек, разыгрывают, по доброте душевной, чтобы помочь прочему человечеству, кривому и косному, увидеть лучик в темном царстве...

Дядя Боря засмеялся – в одиночестве.

– А Женька? – неожиданно для себя спросил Дима.

– Что Женька?

– Он... ему там будет хорошо?

– Не знаю. Я же там никогда не был, – сказал Боря неожиданно сухо.

Зависла пауза.

В паузе дядя Боря налил по третьей.

– Женька не хочет бросать свое «Динамо», – убито признался Дима. – Я там был, с тренером говорил... Знаешь, что он мне сказал? Что Женька, он вроде бы перспективный. Я и сам видел...

– За Женьку, – сказал дядя Боря.

Выпили.

– Я вот хочу понять, – проговорил Дима, жуя проклятушую луковицу. – Ведь эти современные подростки, они же спят и видят, как бы смотаться в Америку. Во всяком случае, мои

ученики, у кого я спрашивал... Вот и Оля уверена, что для Женьки его «Динамо» – это вроде как игрушка. Я хочу понять, как мне с ним... о чем мне с ним говорить...

Дяди-Борины глаза влажно блеснули:

– Дима... Ты знаешь, что такое «сухой лист»? Это такой эксцентричный удар, когда мяч летит по непредсказуемой траектории, будто падающий с дерева сухой лист... Потому и название. Ты знаешь, футбол – самая древняя игра в мире, за тысячелетия своего существования она успела оформиться в философию... Округлый предмет в языческом ритуале символизировал солнце. И потом, пинание ногами вражеских черепов, как это ни прискорбно... Планета круглая, как мячик... И не она одна... Воистину, создавая наш мир, Бог играл не в кости, как предположил Эйнштейн, а в футбол! Футбол, Димочка, о-бье-ди-няет, даже на уровне вселенной... Какое событие собирает одновременно больше всего зрителей Земли? Финал чемпионата мира! Четыре миллиарда! Футбол – это ноосфера по Вернадскому, интеллектуальная оболочка земли. Понимаешь?

Дима помолчал. Поводил пальцем по краю стакана:

– Дядь Боря, я пошел... Пора.

Сделал над собой усилие, поднялся с табуретки и побрел в коридор.

– Футбол объединяет, – напутствовал его дядя Боря, стоя в дверях. – Женька – правильный парень... Может, из него и вышел бы толк... Все, Димочка, заходи. Пока...

Дверь закрылась; почти одновременно внизу послышался Ольгин голос, что-то ответил Женька... Хлопнула дверь парадного...

Не успев толком ничего осознать, Дима взбежал по лестнице на третий этаж и затаился там, стараясь не дышать, чтобы запах алкоголя его не выдал.

– ...Ну буквально отваливаются ноги, – говорила Ольга. – Жека, ты себе супа разогрей, а я ничего не хочу...

– А бутерброд с «Янтарем» будешь? – озабоченно спрашивал сын.

– А есть?

– Я купил.

– Тогда буду. А хлеба купил?

– Купил.

– Ой, класс... Знаешь, мне сегодня...

Дверь закрылась, оборвав Ольгину фразу.

Тихо, как разведчик – унизительно, как унизительно! – Дима спустился по лестнице и вышел через парадную дверь.

Он не чувствовал себя пьяным. Но Женька – Женька! – может учуять проклятый запах, и тогда еще труднее будет убедить его, что его отец не «пьянчуга»...

И еще – ему было очень грустно.

Потому что эти двое так тепло разговаривали друг с другом. Они вместе, они разделят сейчас по-братски хлеб и сыр «Янтарь», и вместе поужинают.

А он, Дима, отправится в общество Малдера и Скалли.

* * *

(...Собака!

Злоба. Острая, настоящая, возьмет... сзади. Настигает.

Дерево, дерево мне!

Внизу. Пусть лает внизу. Люди, смеются... Пусть смеются. Ветки, железная крыша... Там. Вперед...)

* * *

Ко второму занятию Оксана уже знала ноты. К третьему – принесла скрипку.

Кто-то из Оксаниных знакомых когда-то играл, заканчивал музыкальную школу, а потом отложил инструмент за ненадобностью; Оксана выкупила его за бешеные, в соотношении с ее зарплатой, деньги.

Это была «дровеняка», гроб, а не скрипка, грубо и топорно изготовленная на какой-то еще советской фабрике. К этому-то горе-инструменту Оксана прикасалась так, как будто над ним всю жизнь трудился Страдивари.

С Оксаной было легко. Дима и не предполагал, что будет так просто – когда, скрепя сердце, соглашался на эти уроки...

Брать с нее по пять долларов он не мог – у нее вся зарплата, наверное, долларов двадцать. С самого начала они уговорились, что урок стоит пятнадцать гривен; в третью их встречу Дима попытался скостить сумму до десяти – но Оксана не согласилась.

Она приходила уставшая, придавленная какими-то своими заботами; с Димой она никогда не разговаривала ни о жизни, ни о своей работе – торопилась поскорее начать урок.

Взяв скрипку, она преображалась, как наркоман после дозы.

Она вытягивала звук за звуком; она с надеждой вслушивалась в свой робкий скрип. К пятому занятию она научилась играть «Мишка с куклой» – пока щипком. И вполне прилично водила смычком по открытым струнам; со слухом у нее было все в порядке – в отличие от подавляющего большинства прочих Диминых учеников.

В суматохе с ОБИРОм и нотариусом ему несколько раз приходилось отменять Оксанины уроки; когда он впервые сказал ей по телефону, что сегодня не может с ней встретиться – ответом было такое убитое молчание, такое потерянное «как жаль», что в следующий раз он вертелся ужом и отменял Оксанины занятия только в самом крайнем случае – когда деваться было совсем уж некуда.

Он стал ловить себя на том, что вместо оговоренных сорока пяти минут его уроки с Оксаной растягиваются на час, полтора, два. Совершенно естественно и без напряжения; после занятий он усаживал ее пить чай, суетился на маленькой Вовкиной кухне, а Оксана застенчиво вытаскивала из сумки то пару яблок, то пачку печенья.

Она полюбила возиться с Малдером и Скалли, сажала их на глобус, позволяла бегать по своим плечам; так получилось, что поход на Птичий рынок совпал с разговором об отъезде.

Оксана пришла, как обычно, в десять; они позанимались – с удовольствием, часа полтора – а потом Дима вспомнил, что сегодня воскресенье и можно нести мышей на базар.

Продать, удивилась Оксана, зачем? Такие славные мыши... Все равно придется куда-то их девать, сказал Дима, ведь я ведь через пару месяцев уезжаю. Уезжаете, вздрогнула Оксана, куда?!

В Америку, сказал Дима, уже понимая, что совершает ошибку. Наверное, это известие надо было придержать. Или сказать по телефону. Или вообще не говорить пока, мало ли еще могло случиться, может быть, Оксана сама охладела бы к этим урокам...

Она стояла – жалкая, бледная, будто пораженная громом.

Это не страшно, сказал Дима. Я договорюсь с хорошим педагогом, вы будете ходить к ней, это очень милая женщина...

Оксана молчала.

А пойдете со мной на Птичий рынок, предложил Дима, как будто пытаясь искупить какую-то несуществующую вину. У вас есть время?

Оксана молча кивнула. Убрала в футляр свою скрипку; футляр был тот еще, наверное, Димин ровесник.

Дима чувствовал себя идиотом.

Из футляра вылетела упитанная желтенькая моль; Дима механически захлопал в ладоши, но насекомое не далось. Сгнуло где-то в недрах Вовкиной квартиры; а ему, Диме, что за забота. Пусть жрет остатки Вовкиных ковров, побитых многими поколениями прожорливых насекомых; ее детенышам не добраться до Диминого свитера – моль не летит через океан, если, конечно, не пронести ее с собой в самолет...

И почему-то именно от вида этой бледной бабочки ему стало тоскливо, прямо-таки тошно. Он был на грани того, чтобы, сказавшись на плохое самочувствие, отменить поездку на Птичий рынок...

Но было неудобно перед Оксаной.

...Клетку с мышами завернули в махровое полотенце.

Молча уселись в машину. «Жигуль» завелся с четвертого раза, Оксана даже спросила испуганно: что, не работает?

Машина тронулась; Оксана, прежде ни слова не упоминавшая о своей жизни, сама вдруг начал рассказывать.

Она работала участковым терапевтом – уже второй год после ординатуры. У нее большой участок... а когда болеют ее коллеги, то приходится работать и на два участка тоже. Полдня прием – полдня по вызовам... Очень трудно со стариками и старушками. Летом легче, чем зимой. Зимой грипп...

– А я чуть было не поступил в медицинский, – неожиданно сказал Дима.

– Да? – удивилась Оксана.

– Моя мама работала в мединституте. И она организовала мое поступление, то есть меня процентов на девяносто уже брали. Это было ясно еще до экзаменов...

Они остановились перед светофором.

– А почему... – начала Оксана.

Дима пожал плечами:

– Не захотел.

Мимо, по переходу, шли люди. Малыш лет пяти размахивал красным шариком с эмблемой «Мак-Дональдса».

– А я вот именно в медицинский хотела, – призналась Оксана. – Поступила... на третий год. Три года ходила на экзамены, как дятел...

– Не жалеете?

Светофор переключился на зеленый свет.

– Нет, – сказала Оксана после паузы. – Не знаю...

Дима в последний момент удержался, чтобы не спросить, какая у Оксаны зарплата.

Он и без того догадывался, какая.

– Оксана... если бы вам принесли не блюдечке эту самую грин-карту... вы бы поехали?

– Не знаю, – повторила она после паузы.

Возле Куреневского рынка толпились машины, он едва нашел место, где преклонить свой «Жигуль». Оксана взяла свою скрипку – не захотела оставлять в машине; Дима взял клетку с Малдером и Скалли.

И они пошли.

– ...Почем эти мыши?

– Двадцать гривен вместе с клеткой.

– Десять – но без клетки.

Дима кивнул; он удивился, что все случилось так просто и быстро. В конце концов, клетка кушать не просит, клетку можно кому-нибудь потом подарить...

Парень лет шестнадцати молча полез за деньгами. Расплатился; уверенно пересадил Малдера и Скалли из клетки в картонный ящик с дырками, канул в толпу.

– Всех мышей скупает, – сказала старушка, торгующая птичьим кормом.

– Что?

– Каждое воскресенье всех мышей скупает. Питон у него...

– Питон?!

Оксана смотрела беспомощно. Дима сунул ей клетку, велел стоять и не двигаться, кинулся в толпу вслед за парнем с картонной коробкой.

Успел уже отчаяться, прежде чем в толпе обозначилась памятная куртка.

– Слушай... – схватил парня за плечо. – Ты... Вот тебе твоя десятка, мышей отдай.

– Оборзел, дядя? – непочтительно поинтересовался подросток.

– На свои бабки! Мышей отдавай обратно!

– Они уже мои! Я их уже купил!

Дима готов был задушить его голыми руками – наверное, это было заметно невооруженным глазом; парень решил не связываться. Покрутил пальцем у виска. Поднял крышку ящика; у Димы потемнело в глазах. Мышей там было штук двадцать, всем было неуютно, все толкались...

– Ты своих не узнаешь, – сказал парень насмешливо. – Бери любых, дядя.

Дима выхватил Скалли – у нее была метка на ухе. С Малдером он сперва ошибся – ухватил другого самца, но сразу же обнаружил ошибку и исправился.

Мышиные лапы щекотали ладонь. Диме захотелось выкупить всех, предназначенных питону – он даже полез в карман за деньгами, но, кроме возвращенной парню десятки, там были только три двушки. И все.

Парень уже ушел; Дима вернулся к Оксане, пустил мышей обратно в клетку. Некоторое время они стояли молча, глядя в разные стороны; старушка с птичьим кормом косилась на Диму, как на сумасшедшего.

Дима не любил Птичий рынок. Не любил в детстве – тогда можно было сколько угодно канючить щенка, мама все равно не соглашалась и правильно делала. Не любил в юности – ему безумно жаль было всех этих котят, которым бабушки продавщицы «для привлекательности» привязывали на шею нейлоновый бант...

В торговле с лотка котятами и щенками есть что-то от работорговли. Кафа, невольничий базар. Рыбы – вот идеальный товар, рыбам плевать, покупают их или продают. Или готовят на корм какой-нибудь аквариумной щуке. Рыбы – столь же разумны, как камни на дне аквариума или декоративные осколки амфор...

Хомяки немногим лучше. И мыши... Казалось бы, безмозглое существо, но продавать их на корм питону... Или, например, вот этому крикливому пацану...

Пацану было лет девять, Дима прекрасно помнил, что Женька в таком возрасте был уже вполне взрослый. Этот орал как младенец, ревел вголос, топал ногами – видимо, ему не купили щенка...

– Тарасик, идем тебе купим мышку. С мышкой нет никаких забот – с ней гулять не надо... Даже две мышки. Хочешь?

Тарасик заинтересовался. Перестал орать, но губки держал все еще в надутом положении.

– Они не кусаются? – поинтересовалась Тарасикина бабушка. – Их можно покупать ребенку?

Дима пробормотал нечто невразумительное. Тарасик ему не нравился.

– У вас есть справка от ветеринара, что животные здоровы? Что у них нет клещей, блох?

– Какой хво-ост, – сказал Тарасик, пытаясь просунуть палец сквозь прутья клетки. – Как в мультике...

Дима представил, как, наученный «Томом и Джерри», Тарасик станет раскручивать за хвост беднягу Скалли. И подвешивать Малдера на веревочке к люстре...

– Как же без блох? – сказал он добродушно. – Где вы видели мышей без блох?

– И клещи найдутся, – радостно подтвердила Оксана.

– Так... Тарасик, идем, лучше тебе рыбку купим... Идем-идем, вон аквариумы, видишь?

Протестующие вопли Тарасика утонули в толпе; Дима с Оксаной постояли еще немного, но покупателей не было. Зато подошел неприятного вида парень в кожаной куртке и спросил, уплачено ли за место...

– А давайте я их куплю, – сказала Оксана. – У меня как раз есть двадцать гривен...

– Ну что вы, – сказал Дима испуганно. – Какие деньги... А они вам действительно нравятся?

* * *

– ...Просто миф. В Америке есть все, в том числе футбол.

Женька не раз видел его на экране телевизора – Сергей Полховский вел спортивные программы. Этот человек летал в одном самолете с киевскими динамовцами, этот человек был вхож к Лобановскому; Женька мог сколько угодно хмуриться и принимать независимый вид, но слова Полховского было очень трудно пропустить мимо ушей. Мама знала, что делала, когда организовывала эту встречу.

Дома, лежа на кровати при свете фонаря за окном, Женька смотрел в потолок и вспоминал сегодняшний разговор.

– В Америке есть все, – говорил журналист. – И футбол есть. Там богатейшие футбольные школы, футбольные общества, причем возглавляют их в основном наши эмигранты. Балтача, помнишь, был такой футболист? Поля там не чета нашим... не чета тем, что у вас на базе. Материальная база – что там говорить, нашим такое и не снилось. А вот техническая подготовка игроков... Техника у них, конечно, отстаёт. И ты с твоей техникой там сразу будешь лидер. Автоматически. У тебя будет колоссальная фора. Они за тебя передерутся... Здесь ты просто подаешь надежды, а там ты сразу сделаешь карьеру. Вот, посмотри...

Женька смотрел на разложенные на столе открытки. Почему-то не верилось, что в этих апартаментах, белоснежных душевых, раздевалках с кожаными диванами может вонять потом так, как воняет у них в спортшколе...

Поля – зеленые скатерти. Выходи и играй.

...Женька откинулся на подушку. Великие футболисты смотрели на него с плакатов и календарей.

– Не слушай, – сказал Пеле. – Я играл в Америке. Ничего там хорошего нет, можешь мне поверить.

Ухоженные ребята в яркой форме. Белые мячи на траве. Все улыбаются до ушей – наверное, так умеют улыбаться только очень счастливые люди...

– Поезжай, – сказал Шевченко. – Это сперва кажется, что на «Динамо» свет клином сошелся... А потом все рвется куда-нибудь за бугор, можешь мне поверить, я знаю, о чем говорю... Мне в «Милане» нравится!

И только Валерий Васильевич Лобановский молчал.

* * *

Звук принтера – попытка после напряженного бестолкового дня. Дима испытал мгновенное облегчение, когда мерзкий аппарат вдруг заткнулся.

Правда, одновременно замолчало радио на кухне. И сделалось темным-темно, как будто уши и глаза разом заткнули ватой.

– Вот блин-компот, – сказала Ольга.

Диме не хотелось подниматься с кресла. Он зажмурился – ничего не изменилось; под веками тоже была темнота.

– Эй, ты где? – спросила Ольга.

– Все там же, – отозвался Дима, не открывая глаз.

– И в соседнем доме нету, – пробормотала Ольга. – Авария, опять... Блин, как некстати...

Дима открыл глаза; внешняя темнота стала чуть менее темной. Обозначились углы мебели, спинки кресел, прямоугольник двери, ведущей в коридор.

– Где-то здесь была свечка, – бормотала Ольга. – Вот черт, где зажигалка...

Единственный слабый огонек подсветил ее лицо снизу.

– Ты переставила кресла? – спросил Дима.

Она не сразу поняла:

– Что? А, кресла... Сейчас я позвоню в «Киевэнерго».

И она ушла звонить на кухню.

Дима снова закрыл глаза; он ужасно, запредельно устал. Наверное, он даже заснул на секунду – потому что когда он открыл глаза, свечек было уже две. Вторую держала Ольга.

– Занято, – сообщила она. – В «Киевэнерго» занято, в ЖЭКе не отвечают... Хочешь есть?

– Есть?

– Я проголодалась. Ты – как хочешь.

– Который час? – Дима потер лицо.

– Не знаю... Где-то полдвенадцатого. Еще рано...

В серванте под стеклом стоял Женькин паровозик от железной дороги. Как стоял, так и стоит. Уже лет пять – с тех пор как, занявшись футболом, Женька забросил игрушки...

Дима глубоко вздохнул. Живя в этой квартире, он не ощущал ее запаха. Теперь, став чужим – ощущает. Запах дома.

В свете желтого огонька он стал разглядывать фотографии на серванте. Раньше их было куда больше; сейчас остались только Женькины – в младенчестве и теперь. И еще Ольгина – институтская, выпускная. Исчезли те, где Дима с Ольгой засняты были вместе. Свадебная, например. Только одна осталась – старая, желтая, глубоких советских времен. Первый звонок. Десятиклассник Дима несет на плечах первоклашку Олю...

– Бутерброды, – сказала Ольга. – И банка маслин. И полбутылки вина... Живем.

...Был даже фильм такой, любительский. Отчего был – есть, если поискать... Если пленка не осыпалась. Десятиклассник Дима Шубин с первоклашкой, своей соседкой Оленькой, на плечах... Идет осторожно, прежде ему не приходилось носить на плечах маленьких девочек, зато Оленька облюбовала его плечи уверенно и уютно, ей очень нравится плыть вот так над толпой, в центре общего внимания, и, довольная, она звонит что есть силы в медный колокольчик...

Маслины были черные, блестящие и одинаковые, и почему-то напоминали о первомайской демонстрации. Есть не хотелось.

– Ешь. Хочешь вина?

Она разлила «Монастырскую избу» в две чайных чашки. Он выпил, не почувствовав вкуса. И послушно стал жевать.

Во всем доме было тихо. В мире было тихо. Из комнаты сына не доносилось ни звука.

– Знаешь, – Ольга закурила, – мне даже не верится, что все это закончится.

Она явно ждала ответа, и потому он отозвался:

– Мне тоже не верится. Мне эти очереди уже снятся.

– Я не про это. Когда мы переедем и устроимся...

Дима вздохнул. О переезде думалось плохо. Вообще не думалось. Наверное, из чувства самосохранения.

– И ты устроишься, – сказала Ольга. – Ты же талантливый человек!

Он поморщился. «Талантливый» звучало в ее устах как упрек. «Ты талантливый человек, так почему ты не смог, не стал, не попытался...»

Он продолжал жевать – через силу; Ольга тоже жевала. Когда занят рот – молчание проще оправдать...

Потом бутерброд закончился. И не было никакого желания надкусывать следующий; Дима перевел взгляд на фотографию десятиклассника с малышкой на плечах.

Малышка радовалась жизни.

Бантики, белые бантики, море детских голов, родители с фотоаппаратами «Смена», песенка «Чему учат в школе», и вереница учеников, втягивающаяся в распахнутые двери...

– Мне иногда хочется туда, – шепотом сказал Дима.

Он покривил душой. В последнее время ему ВСЕГДА хотелось вернуться. В сорок лет он начал жить воспоминаниями. Что это, преждевременная старость?

– Куда тебе хочется? – чуть насмешливо спросила Ольга. – В Штаты?

– Нет, – Дима кивнул на фотографию. – Не в Штаты... Вернее даже, не туда, а в тогда.

– Ностальгия? – на этот раз насмешка в ее голосе и не думала прятаться.

По столбику свечи скатывались прозрачные капли. Скапывали на майонезную баночку.

– Просто мне кажется, – сказал Дима, будто оправдываясь, – что тогда было хорошо.

– А теперь плохо?

Я кажусь ей смешным, подумал Дима. Я кажусь ей нытиком, который сидит посреди цветущего луга и плачет по своему потерянному болоту... Даже нет. Я кажусь ей слепым посреди супермаркета. Когда вокруг полным-полно ярких этикеток, а я бормочу что-то про опустевшие полки...

Кто-то прошел под окном. Тишина; далекие пьяные голоса. Снова тихо.

Ольга допила свою чашку до дна; долила остатки вина из бутылки:

– Как у тебя в школе?

– Нормально. Никто не хочет учить детей музыке, все хотят учить детей каратэ, или на худой конец английскому...

– Кстати, как твой английский?

– Ничего. Учю, – Дима вздохнул.

– Учи...

– А как у Женьки? – спросил Дима после паузы. – Я имею в виду, в школе?

– Тройки, – Оля пожала плечами. – Ничего не читает, ничего ему не интересно, только мяч гонять.

– Ну, он устает, наверное...

– Устает... Но это, может, и к лучшему. Во всяком случае у него нет времени на ерунду... Знаешь, какие сейчас пацаны. Тут выйти во двор вечером бывает страшно. Шпана... Мат-перемат, шприцы потом валяются, презервативы, бутылки... Страшно за Жеку. Он же не в безвоздушном пространстве живет... А что у них в школе делается... Нет, у Жеки еще класс хороший, там у них классный руководитель – математик, мужчина, мужчина в школе, это теперь такая редкость... Да ты сам знаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.